

к 75-летию основателя фасциологии
СОКОВНИНА Владимира Михайловича

ФАСЦИНОЛОГИЯ

Fasciology

ЕЖЕГОДНИК
АВТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ФАСЦИНОЛОГИИ
Владимира Соковнина

2013

ЕЖЕГОДНИК
авторской академии фасцинологии
Владимира Соковнина

Ф А С Ц И Н О Л О Г И Я
F a s c i n o l o g y

2013

Содержание

Поздравление Владимира Михайловича Соковнина с 75-летием	3
Краткая биография Владимира Соковнина	6

Научные статьи и сообщения

<i>В. Соковнин. Экспансия. Фасцинация. Фасцинофикация</i>	<i>7</i>
<i>Вяч. Вс. Иванов. Пример поэтической фасцинации:</i> «На страшной высоте блуждающий огонь» Осипа Мандельштама	<i>16</i>
<i>Jaan Valsiner. MEETING WITH THE OTHER: Three Species in the Zoo</i>	<i>18</i>
<i>Б. Ушаков. Фасцинативная сущность человеческого общения</i>	<i>22</i>
<i>Е. Омельченко. Лексико-семантическая ритмизация как</i> <i>фасцинативный прием в Нобелевской речи И. Бродского</i>	<i>24</i>
<i>В. Соковнин. Фасциногении</i>	<i>28</i>

Художественная проза

<i>Рим Фиктор. Чебачок к пиву. История одной мести</i>	<i>38</i>
<i>Новинки публикаций.....</i>	<i>46</i>
<i>Рецензия на книгу: В. Соковнин. Фасцинология. Прологомены к науке</i> <i>о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека</i>	<i>47</i>
<i>Авторская академия фасцинологии предлагает академиям, университетам, институтам</i>	<i>48</i>

УДК 159.9
ББК 88.53
С 592

С 592 Фасцинология. Ежегодник авторской академии фасцинологии
Владимира Соковнина. 2013. Ред. В. М. Соковнин. Екатеринбург. Изд-во АФА.
2014 – 48 с.: с ил.

ISBN 978-5-8295-0269-0

«Ежегодник-2013» посвящен 75-летию основателя фасцинологии Владимира Соковнина.

В нем представлены два новых научных открытия юбиляра:

1. Фасцинация в процессе эволюции живого возникла как способ оптимизации коммуникации экспансивными, яркими, «навязчивыми» **сигналами нацеливания (targeted-signal)**, возбуждающими в адресатах-живых существах волнующее внимание к коммуникативному сообщению, его надежное восприятие, анализ и адекватную реакцию. Фасцинирующее нацеливание (**fascino-targeted communicatin**) особенно характерно для человеческой коммуникации и продолжает усиливать свое значение и развитие в последние десятилетия.

2. Создание **учения о фасциногениях** – зависимостях, формируемых «чарующе-успокаивающей» фасцинацией во всех формах ее проявления: пище-вкусовой, сексуальной, ароматической, коммуникабельной, харизматической, экстремально-азартной, художественно-эстетической и др. Любая «чарующе-успокаивающая» фасцинация настраивает психику не только на цепкое впечатывание ее в память, но также на мотивацию повторения, что открывает ворота для **создания пристрастий вплоть до навязчивых зависимостей**. Этот особый вид изменений психики, сознания и поведения предложен автором выделить в фасциногении, профилактика и коррекция которых требует совершенно иного подхода, чем при психогениях.

УДК 159.9
ББК 88.53

© Ежегодник 2013
© Авторская Академия
фасцинологии, 2013

ISBN 978-5-8295-0269-0

научное издание

Фасцинология. ЕЖЕГОДНИК
авторской академии фасцинологии Владимира Соковнина. 2013.
ред. В. М. Соковнин

Корректор: М. Е. Иванова
Дизайн и верстка: Владимир Соковнин
Подписано в печать 25. 12. 2013 г. Формат 60x84 1/8
Тираж 80 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620078 г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел: (343) 362-91-16, 362-91-17

отзывы и заявку на «ЕЖЕГОДНИК - 2014» можно послать на vmss@mail.ru

Владимиру Михайловичу Соковнину основателю фасцинологии – 75 лет

ЧЕТЫРЕ ФАСЦИНАЦИИ ВЛАДИМИРА СОКОВНИНА

75 лет Владимиру Михайловичу исполнилось 19 ноября. Юбилей!

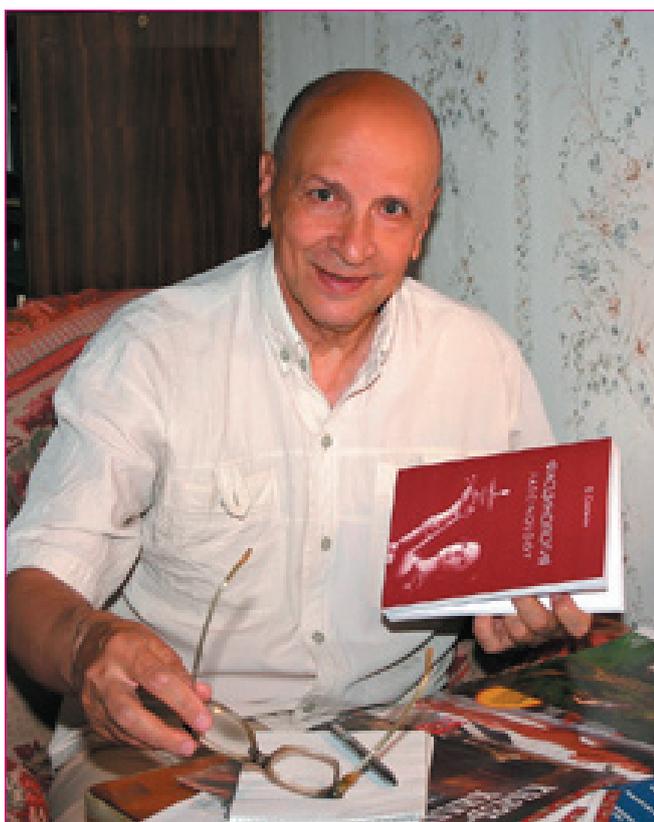
– Стукнуло, а не исполнилось! – смеется юбиляр. – И откуда этих гавриков столько прискакало? Целая орава. Вроде вчера только было их 70 штук, а уже 75.

Шутит Владимир Михайлович словами своего героя, ученого-отшельника Юлиана Арбелина, из только что изданного им романа «Чебачок к пиву. История одной мести». Когда вспыхнул молнией сюжет и он начал писать роман, ему было 70 лет, он и Арбелина наделил этим возрастом, наивно рассчитывая, что работа над романом займет месяца два-три. А растянулось творческое вдохновение на 5 лет, вот и получилось, что ему стукнуло 75, а герой остался 70-летним.

В 75 лет издать первое в своей биографии

внушительное – 400 страниц! – художественное произведение – это тебе не хухры-мухры, как выражается Арбелин. Есть ли у нас еще такие писатели? При этом «Чебачок к пиву» – **первое в мире художественное произведение о фасцинации**, о ее чудодейственном и одурманивающем влиянии на психику. Юлиан Арбелин создал социальный эксперимент: средствами массовой фасцинации ввергнул уральский мегаполис Бург на целую неделю в искрометное безумие веселости с песнями и плясками. Сконструировал научный факт – показал, как действует **фасцинофикация**.

Роман не случаен. Он родился, вырос, выплеснулся из созданной Владимиром Михайловичем новой фундаментальной науки, названной им «фасцинология» (от лат. *fascino* – очаровать, околдовать), науки о чарующей и

устрашающей коммуникации всего живого на планете: от вирусов и бактерий до приматов и человека. Самое простое (но далеко неполное!) определение фасцинации, какое дал Владимир Михайлович в своих книгах, выглядит так: все, что при воздействии на тело и психику вызывает возбуждение, приковывает и концентрирует внимание и интерес, приводя психику в состояния приятного или неприятного волнения, восхищения или страха, эйфории или шока, восторга или брезгливости, обладает чарующим или устрашающим, то есть fasciniрующим качеством. Это может быть молния или фейерверк, приятно волнующий или отвратительный запах, чарующая музыка или жуткий агрессивный крик, роскошный веер хвоста павлина или оскаленная пасть разъяренного хищника, обольстительный кокетливый взгляд прелестницы или враждебный ненавидящий взгляд в упор. Всю нескончаемую полифонию фасцинации раскрывает Владимир Михайлович в своих книгах. Издано их уже восемь, на 2014 год запланировано издать еще пять. Одна из них обещает стать бестселлером – «Три страстные фасцинации Александра Пушкина».

Откуда в нем столько инновационной энергии и непрестанного трудолюбия? Ежедневно – по 10-12 часов!

Смеется:

– Фасцинация виновата: захваченность, очарованность, поглощенность.

Смех смехом, но ведь для такого труда и тонуса необходимо здоровье, а в 75-летнем возрасте

тем более. Мудрый Сократ говорил: «Здоровье – это не все, но без здоровья все – ничто».

Инновационный интеллект и фасцинация нашли формулу здоровья и оптимизма. Владимир Михайлович создал учение, культуру и оптимальный для творческого долголетия образ жизни – **светский аскетизм**. Всегда и всем он подчеркивает: не религиозный, с его изнурением и истязанием, а светский, с каким жили выдающиеся сыны и дочери человечества в веках: Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий, Конфуций, Кант, Суворов, а в наше время и у нас в России – ученые-долгожители Дмитрий Лихачев, Николай Амосов, Федор Углов. Девизы светского аскетизма просты и проверены веками: «Все в меру», «Ничего лишнего», «Доброта и дружелюбие». И добавляет свой, оптимистический, исходящий из фасцинологии: «Ни дня без фасцинации!»

Создав и выстроив светский аскетизм как технологию оптимального конструирования тела и жизненного тонуса, Владимир Михайлович, как всякий изобретатель, испробовал в первую очередь его на себе. И пришел в восторг. Все недомогания, которые к 70-ти годам начали вызванивать, как рукой сняло. Незначительные, но все же лишние килограммы, исчезли, тонус повысился необычайно, даже память, на которую никогда не жаловался, стала острее. Стройность, подтянутость, подвижность – само собой, а это повышает настроение. Одним сло-

вом, получилось не только инновационное учение, но и практическая оздоровительная технология. Несколько знакомых, изрядно располневших, попросили с ними поработать по этой технологии. И не нарадуются. Правда, пришлось им переходить от излишеств и вредных зависимостей к режиму умеренности и дисциплине тела и ума.

Но и это еще не всё. Возникла идея: почему бы не поставить светский аскетизм на службу человечеству, погрязшему в чрезмерностях и извращающих природу наклонностях?

Одна из них, ставшая массовой почти для всех стран, – кревоугодие и ожирение. А ведь все, поднабравшие 15-ть и более килограммов в весе, больны и находятся в зоне рисков. Особенно страшны диабет, гипертония, риски инфарктов и инсультов. И самое катастрофическое – тотальное ожирение детей, в которое их затягивают родители, реклама вкуснятины и неумолимо-жестокая в погоне за сверхприбылями пищевая индустрия. Возврат в весовую норму – это возврат к здоровью. И к телесной эстетике! Все это выплеснулось в создание Владимиром Михайловичем с единомышленниками общественного движения «Сопротивление ожирению нации и человечества». Создал и верит, – такой вот он романтик! – что «Сопротивление ожирению» может стать общероссийским и даже общечеловеческим экологическим светским аскетизмом, который делает человека будущего здоровым, стройным и красивым. И спасет планету от вырождения и самоуничтожения.

Девизы жизни Владимира Михайловича просты: «Никогда не закисать!», «Ни дня без выдумки!» И – «В обнимку с fascinацией!». Она, голубушка, наполнит жизнь радостью и спасет от всего: от ханд-

ры и скуки, от ожирения и оглупления, от Альцгеймера и Паркинсона, от всяческого маразма и бессмысленности жизни.

Поздравим Владимира Михайловича с юбилеем и пожелаем ему до 100 и более лет оставаться все таким же романтиком, светским аскетом и творцом!

Ирина Пилюгина,
участник фасцинологического общества и движения «Сопротивление ожирению нации и человечества»

А вот здесь можно посмотреть подробнее о творческих достижениях Владимира Михайловича Соковнина:

- его книги по фасцинологии можно бесплатно скачать: <http://www.koob.ru/sokovnin/>
- роман «Чебачок к пиву. История одной мести»: http://www.koob.ru/sokovnin/chebachok_beer
- сайт о фасцинологии: <http://fascinology.ru>
- блог о fascinации: <http://fascination2.livejournal.com/>
- сайт о светском аскетизме: <http://asket-sv.narod.ru/>
- блог «Сопротивление ожирению нации и человечества»: <http://vm-sokovnin.livejournal.com/>

Владимир Соковнин

краткая биография

Родился 19 ноября 1938 года в г. Александровске Пермского края.
1968 г. – защитил кандидатскую диссертацию «Человеческое общение как философская и психологическая проблема»

1973-74 гг. – выпустил двумя изданиями монографию «О природе человеческого общения (опыт философского анализа)» Подготовил к защите докторскую диссертацию «Философские основания теории общения», которая прошла предзащиту и была запланирована к защите в Уральском госуниверситете в 1975 г. От защиты отказался, ушел в состояние “гуineaдца и свободного художника”, в котором пребывал до перестройки.

1989 г. – в Свердловске выпустил в соавторстве с С. А. Соловьевым книгу «Социальная технология (опыт философского анализа)».

1988-1993 гг. – разработка (в соавторстве с В. К. Нишановым) и практическое внедрение (через созданную в г. Бишкеке консультационную фирму «Профессионал-менеджер») технологии интенсивной тренинговой подготовки менеджеров «Менеджмент сотрудничества».

1989-2013 гг. – участие в десятках избирательных кампаний всех уровней в качестве политконсультанта и политтехнолога.

1975-2005 гг. – исследование философско-антропологических проблем телесности и внешнего облика.

2000 г. – открыл биосоциальный закон актуального демонстрирования тела и внешнего облика (впервые опубликован в журнале «ФАСЦИНОЛОГИЯ», № 1, 2003, с. 3-8)

2002 г. – создал фасцинологию (первое сообщение в СМИ – сентябрь 2002 г. Первая печатная публикация о создании фасцинологии в статье «Фасцинология как наука» в журнале «ФАСЦИНОЛОГИЯ», № 1, 2003, с.9-14; можно скачать на: <http://www.koob.ru/sokovnin/>)

2004 г – выдвинул идею создания соманетики – социально-инженерной науки о моделировании, конструировании и коррекции человеческого тела (см. журнал «ТЕЛО», № 1, февраль 2004 г.).

Декабрь 2005 г. – вышла в свет книга «Фасцинология. Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека» – первая в мире монография о проблемах фасцинации.

Ноябрь 2007 г. – создал авторскую академию фасцинологии

2009 г. – издал книги: ФАСЦИНОЛОГ. Штрихи к профессии III тысячелетия. и ЧТО ТАКОЕ ФАСЦИНАЦИЯ.

2009 г – издал электронный сборник текстов о фасцинации «ФАСЦИНАЦИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ОБЩЕНИЕ»

2010 г. – издал сборник своих статей «ОБЩЕНИЕ ИНТЕРДИКТИВНОЕ и ФАСЦИНОГЕННОЕ»

2010 г. – издал книгу «ФАСЦИНАЦИЯ ТЕЛА».

2013 г. – издал роман: Рим Фиктор. ЧЕБАЧОК К ПИВУ. История одной мести.

2013 г. – разработал эвристический проект – учение о фасциногенных.

2013 г. – создал виндиктологию – науку о мести.

Эти книги можно бесплатно скачать на: <http://www.koob.ru/sokovnin/>

Владимир Соковнин

ЭКСПАНСИЯ. ФАСЦИНАЦИЯ. ФАСЦИНОФИКАЦИЯ* (тезисы)

Активность живого вещества планеты

Первое, что бросается в глаза при исследовании сигналов фасцинации, это их высокая интенсивность и экспрессия (гон у животных, экстремальные полеты самцов у ястребиных, пение птиц), выделенность (яркие расцветки цветов и многих насекомых и птиц, огромные рога оленей,), навязчивая демонстрационность и несомненная избыточность, проявляющаяся в повторах, чередующихся ритмах, в той же яркости, которую нельзя не заметить, акустических и ароматических эффектах. Эволюция экономна и если появляется нечто требующее дополнительных затрат энергии, а тем более создания специальных органов для продуцирования таких экспрессивных сигналов, то это должно быть оправдано какими-то весьма полезными для выживания и продления вида приобретениями.

Какие же приобретения дала живым существам столь интенсивная фасцинативная сигнализация?

Если попытаться выделить в экспрессии, избыточности и навязчивой выделенности объединяющее их качество, то им безусловно является высокая, часто доведенная до максимального уровня, **активность**. Попытаемся разобраться, что стоит за этими свойствами фасцинации, зачем фасцинация возникла в живом веществе планеты и ее генезис был наделен **гипер-активностью** да еще и в таком «сценическом», театральном, ярко демонстрационном исполнении.

Активность в целом является экзистенциальным атрибутом живого вещества с момента его зарождения на планете. Быть не активным живое вещество в любом его проявлении от протобиота до человека не может. Жизнь – это активность, причем активность не спонтанная, хаотичная, как в броуновском движении молекул, а направленная, адапционно организационная. Как она осуществляется можно проследить на бактериях, этих, с одной стороны, уже законченно оформившихся одноклеточных организмах (о протобиотах, от которых по всей вероятности и произошли бактерии, данных значительно меньше, но можно предположить, что всё, что наблюдается в бактериях, настраивалось и отработывалось эволюцией уже в них), а с другой – достаточно изученных, чтобы видеть все основные механизмы их активного адапционного существования на протяжении миллиардов лет.

Один из атрибутов активности живого – размножение. У бактерий оно реализуется путем деления надвое. При благоприятных условиях деление клеток у многих бактерий происходит через каждые 20-30 минут. При таком быстром размножении потомство одной бактерии за 5 суток способно образовать массу, которой можно заполнить все моря и океаны. Простой подсчет показывает, что за сутки может образоваться 72 поколения (720 000 000 000 000 000 000 000 клеток). Если перевести в вес – 4720 тонн. И если в природе этого не происходит, то потому, что большинство бактерий быстро погибает под действием солнечного света, при высушивании, недостатке пищи, значительном нагревании, в результате борьбы между видами и т.д. Не будь столь впечатляющей активности в воспроизводстве бактерии не смогли бы выживать и продолжать существование. Активность размножения для них – способ выживания.

Другой способ – поразительная, невероятная всеядность и адаптация к самым экстремальным средам. Бактерии распространены всюду. Исключение составляют лишь кратеры действующих вулканов и небольшие площадки в эпицентрах взорванных атомных бомб. Ни низкие температуры Антаркти-

ки, ни кипящие струи гейзеров, ни насыщенные растворы солей в соляных бассейнах, ни сильная инсоляция горных вершин, ни жесткое облучение атомных реакторов не мешают их существованию. Бактерии – аборигены нашей планеты, активно осваивающие самые экстремальные природные субстраты. В питание и метаболическую переработку в организме бактерий идет почти все, чем обладает планета.

Заряд активности бактерий можно назвать образцом и моделью активности всего живого на планете.

Такова в общем и целом картина адапционно организующей активности живого вещества от самых простейших до приматов и человека: поисковая экспрессия, захват нужных для метаболизма веществ, переработка их внутри себя и выброс вовне отходов.

Остается разве что посмотреть, активен ли вирус, вещество не то неживое, не то живое. Кажется, научное биосообщество все более склоняется к тому, что вирус – живой. С момента начала проникновения в клетку-хозяина (бактерию или клетку организма), в которой ему будет открыта возможность репликации, вирус обнаруживает все свойства живого: прикрепляется к оболочке клетки, проникает внутрь ее, запускает свою РНК, производит управление механизмами клетки по созданию своих частей и сборке вибрионов. Другими словами, вирус адапционно и организационно гиперактивен, а размножение-репликация его в разы превышает таковую у бактерий. Единственный вопрос с точки зрения активности – выяснение «поведения» вируса до прикрепления к оболочке бактерии или клетки-хозяина. Откуда и как он появляется? Тут, по-видимому, активность в форме передвижения в пространстве вирусу не нужна, за него способ передвижения и доставки к месту начала репликационной активности выполняет среда обитания: динамика атмосферы, воды, крови в организме-хозяине, сами клетки-хозяева.

Поразительна устойчивость вирусов. Так, в феврале 2014 года в вечной мерзлоте Колымы обнаружены амебы возрастом 30 000 лет, в них оказался законсервированным мегавирус, и его удалось активировать. Интересен и такой факт, экспериментально созданный исследователями из Центра Жизни в Экстремальных Условиях Портлендского Государственного Университета (Center for Life in Extreme Environments at Portland State University): в условиях высоких температур вирусы могут сохранить свою жизнеспособность в непроницаемом и сверхпрочном стекловидном (из диоксида кремния) панцире, который сбрасывают, как только создаются благоприятные условия для их существования и репликации (<http://www.astronews.ru/cgi-bin/mng.cgi?page=news&news=5007>). Возможно, вирус на Земле — «инопланетянин»...

На нашей планете десятки тысяч разновидностей вирусов и бактерий, обладающих поразительными механизмами сохранения, воспроизводства и приспособляемости к изменениям среды. В этом и проявилась мощь адапционно организующей активности живого вещества при его зарождении и распространении по планете.

Проблема возникновения на планете миллиарды лет назад живого вещества из неживого остается пока неразгаданной (гипотеза об абиогенезе – самопроизвольном переходе неживой органики в живую рассматривается в настоящее время как приоритетная (5; 10), и все-таки это только гипотеза). Но в любом случае останется, на мой взгляд, неизменным постулат об **изначальной активности живого вещества** в какой бы форме и каким бы способом оно ни возникло.

* Из книги «Новая теория коммуникации», готовящейся в печати

Активность и комфорт

Есть пословица «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше». В самом деле, для многих рыб, к примеру для циклофона, наиболее желанны морские глубины до 2000 м. А есть и такие виды, что живут на дне океанов на глубинах до 7-8 км. Там им лучше всего.

Этот принцип иметь среду обитания «где лучше» распространяется, по всей очевидности, на все живые существа. От этого зависит выживание и воспроизводство вида. Для одного вида «хорошо», если тепло и сухо, для другого – влажно и прохладно. И для всех без исключения – чтобы была максимально обеспечена безопасность, сохранение организма. Я назвал бы этот принцип «**законом комфорта**», а комфорт – одним из важнейших экзистенциалов жизни. Ввести в научный оборот категорию биологического и биосоциального комфорта (благополучия) было бы, как мне кажется, весьма уместно. Комфорта не в обыденном, разумеется, смысле как суммы удобств, достигнутых на данный момент развития цивилизации с ее технологическими достижениями, что позволяло бы МарьИванне, живущей в четырехкомнатной квартире, мечтать о десятикомнатной, где она при ее раскормленной сладостями комплекции гиппопотама имела бы робота, приносящего ей на диван чашечку горячего шоколада в момент просмотра душещипательного телешоу Андрея Малахова. А комфорта как такого комплекса составляющих среды обитания и коммуникации, который обеспечивал бы оптимальный метаболизм и выживание, безопасность и продолжение вида. К такому комфорту стремится все живое с самого момента зарождения жизни на планете: найти для себя удобную, безопасную и сытную нишу существования.

Проведем мысленный эксперимент, в полной мере учитывающий данные науки и наблюдений, и возьмем за исходный объект простейшее одноклеточное живое существо, скажем, амёбу. Какая среда обитания для амёбы самая «желанная» по данным науки на сегодняшний день? Для простейшей амёбы протей (пресноводной обыкновенной) лучшей средой является вода, любая пресная, но особенно хорошо ей на дне пруда с загрязненной водой, где много бактерий и одноклеточных водорослей, которых она «обтекает» и включает в свою цитоплазму, создавая пищеварительную вакуоль и тем самым насыщаясь, вырабатывая жизненную энергию и готовность к размножению-делению.

Постижение и поиск комфорта – фундаментальный, на мой взгляд, закон существования живых существ на планете.

Экспансия живого – экспансия к комфорту

Поиск и достижение комфорта существования не может быть для биологических видов не чем иным, как поиском и захватом в обладание удобной для него среды обитания (рыбе – где глубже...) и, по-возможности, максимально удобной, то есть, чтобы имелось всё, что требуется для жизни и выживания в наилучшем качестве. Не случайно же у каждого вида есть свои пищевые лакомства и предпочтения. Но, как говорится, с неба это не упадет в готовеньком виде, приходится... бороться. Вот здесь и вступает, на мой взгляд, **эволюционный закон экспансии**, экспансии, понимаемой по Ч. Дарвину как освоение и расширение среды с оттеснением или даже уничтожением конкурентов, закреплением ее за собой и возрастанием вида для дальнейшего захвата и расширения. Таким образом, активность живого в стратегическом плане необходимо рассматривать как **экспансивную активность**.

Если бы размножению бактерий ничто не препятствовало, то уже через месяц созданная ими биомасса покрыла бы планету слоем в 1 км. Очевидно в самом начале эволюции условия существования на планете были для протобиот столь экстремальными, что для выживания потребовалось ускоренное размножение с быстрым накоплением такого количества копий, которое с лихвой покрывало бы гибель большинства, оставляя в живых достаточное число для воспроизводства и экспансии вида. Выживание в экстремальных для жизни условиях требовало максимализации всех механизмов адаптации и это означает, что жизнь живых существ и их сообществ уже в самом начале была подчинена закону экспансии.

Тейяр де Шарден в своей книге «Феномен человека», пишет: «Чтобы умножить контакты, необходимые для своих пробных нащупываний, и чтобы накопить полиморфное разнообразие своих богатств, жизнь может продвигаться вперед лишь большими множествами».

Поэтому, когда ее поток выходит из узких горловин, где она была как бы стиснута новой мутацией, то чем уже горловина, из которой она выходит, и чем обширнее пространство, которое она должна покрыть своей волной, тем больше ей необходимо воспроизвести себя во множестве». Этот путь, как он отмечает, прошел и продолжает проходить также и человек, устремляясь теперь и в Космос (19)

Следует подчеркнуть, что экспансия не может быть вялой и блеклой; коль это борьба за существование, значит необходимы энергия, интенсивность, сила.

Ф. Ницше назвал это «волей к власти» (13).

М. Хайдеггер, предпринявший фундаментальный анализ идей Ницше о «воле к власти», так формулирует взгляды Ницше: «Сохранение и возрастание характеризуют неотрывные друг от друга основные тяготения жизни. Сущность жизни немислима без желания роста, возрастания. Сохранение жизни всегда служит возрастанию. Если жизнь ограничивается само-сохранением, она деградирует. Так, к примеру, обеспечение жизненного пространства никогда не бывает целью живого – это всегда только средство возрастания, средство возвышения жизни. И наоборот, возросшая жизнь в свою очередь возвышает, усиливает потребность в расширении пространства. Однако возрастание невозможно, если не обеспечен основной состав, его постоянство, если он не сохранен как способный к возрастанию. Поэтому живое – это всегда соединенное двумя основополагающими тяготениями возрастания и сохранения «сложное образование жизни» <...> «Движение к возрастанию обеспечивает воля к власти – «воля к власти» – это основополагающая черта «жизни» (24, С 143-176. С 154).

Вполне корректно, как мне представляется, «волю к власти» Ницше обозначить как «устремленность к доминированию»: стремление к «становлению-возрастанию» пронизано «устремленностью к доминированию», всеобщей экспансией живого, эволюционным законом.

Сейчас многие приписывают Андрею Сахарову фразу «Смысл жизни – в экспансии». Фразу эту озвучил Борис Березовский и зафиксировали журналисты, бравшие у него интервью (24). Однако жена и соратник Андрея Сахарова Елена Боннер в интервью в журнале «Вестник» (№ 10 (269) 8 мая 2001) опровергла это мнение: «Нигде у Сахарова – ни в опубликованных материалах, ни в дневниках – этих слов я не нашла. Никогда в разговорах со мной он так не говорил. И главное: экспансия – не его слово!» По ее словам, этой фразой поделился с Березовским кто-то из его приятелей-физиков, приписав их как якобы сказанные Сахаровым. Вполне возможно, что Андрей Сахаров и в самом деле кому-то высказал эту мысль. Для существования и оборота любой идеи не столь уж важно, кем она пущена в оборот, важно, что она приобрела существование в человеческом общении и уж тем более интеллектуальном и научном. Как бы то ни было, идея экспансии как экзистенциального признака поведения всего живого, особенно человека, уже достаточно закрепились и получила самые различные интерпретации в политике, экономике, культурологии (20).

Истинным же основателем теории экспансии следует назвать создателя геополитики Фридриха Ратцеля (4; 11). В своем основном труде «Политическая география» Ф. Ратцель писал: «Государства вписываются в серию явлений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений» («Политическая география»). А в своей книге «О законах пространственного роста Государств» (1901) он сформулировал семь законов политической экспансии (4)

Я выделил бы такие экзистенциальные качества экспансии:

- интенсивная активность, направленная на расширение пространства и предметной обеспеченности для комфорта и выживания вида,
- устремленность к доминированию («воля к власти», по Ницше),

- устремленность к созданию продуктивного сообщества со связями аффилиации, фасилитации, кооперации и четкой гомеостазной иерархии,
- подчеркиваемая отграниченность от других сообществ,
- перманентная готовность к агрессии и отражению агрессии или использованию иных способов захвата и возрастания.

Виды экспансии

Основным видом интенсивной экспансии является по всей видимости агрессия, насилие, война. Войны начались с появлением жизни на планете между вирусами и бактериями и бактериями друг с другом. И уже там, миллиарды лет назад началась козволюция и непрекращаемая «гонка вооружений» биологических видов в борьбе за существование.

Одним из самых агрессивно экспансивных существ на Земле стал человек: война, уничтожение, захват, воля к властвованию сопровождают всю историю вида *Homo sapiens* и поставили его в «гонках вооружений» на грань самоуничтожения.

В биологическом мире агрессивную экспансию демонстрируют в особенно явном и чаще всего разрушительном виде так называемые инвазивные растения и животные, то есть чужеродные для данной экосистемы, привнесенные в нее тем или иным способом, чаще всего человеком. Как правило, инвазивные виды столь интенсивно и агрессивно начинают осваивать новую для себя среду, что многие ее «аборигены» вытесняются и исчезают с лица планеты. Или сражаются не на жизнь, а на смерть, как произошло с привнесением человеком (!) в заповедник Эверглейдс во Флориде питонов из Бирмы. Шестиметровые прожорливые змеи начали агрессивную экспансию. Противостоять им могут только аборигены-аллигаторы. С 2002 года зафиксированы десятки случаев сражений между крокодилами и питонами. Сейчас во Флориде уже около 30 тысяч питонов. Есть опасение, что глобальное потепление приведет к распространению питонов по южным штатам, в результате чего свирепые змеи всего за столетие могут покорить треть территории США.

Но экспансия проявляется в адаптации биологических видов не только в виде агрессии. Не менее распространенными видами экспансии можно назвать неагрессивное вытеснение (рякма вытесняющая экспансия способами интенсивного размножения, захвата пищевых ресурсов и др.), плутовское и биохимическое манипулирование и паразитизм (21).

Хрестоматийный пример: завезенные в Австралию в 1859 году фермером Томасом Остином 24 кролика через несколько лет в буквальном смысле преобразили экосистему континента, причем в худшую сторону. Их гиперспособность к размножению привела к тому, что через 40 лет милые зверьки расплодились настолько, что под угрозу встал не только животный мир материка, но и его почвы. В 1930-х ситуация стала критичной и власти вынуждены были применить биологическое оружие – был запущен вирус миксоматоза. Появилась знаменитая фотография, на которой кролики пьют зараженную воду искусственного водоема. Смертоносная экспансия вируса составила 90%, однако к 1950 году кролики смогли выработать против него иммунитет. За время эпидемии число зверьков сократилось только на полмиллиарда особей. Лишь в последнее время популяция пушистых террористов удалось свести к минимуму. Для этого в стране был сооружен самый большой в мире сетчатый... забор.

Примеров инвазивной экспансии растений и животных можно привести множество, главным же является то, что она превратилась к настоящему времени в глобальную негативную проблему для живого мира планеты. И основным ее виновником явился экологически невежественный человек.

Способом экспансии может быть также хитрость и манипулирование, что поразило Ч. Дарвина.

Нельзя не изумляться поразительной изобретательности эволюции, придумавшей множество изощренных приемов борьбы за жизнь. Вот, например, как продлевает свой род скользя гигантская. Личинка этой хищной осы является паразитом, который питается личинками жука. Оса находит подходящего хозяина – личинку жука-носорога, ударом жала парализует жертву и откладывает на ее тело свое яйцо. Вылупившаяся из

нею осиная личинка, снабженная острыми челюстями, вгрызается в покровы своего обездвиженного хозяина. Добравшись до мягких тканей, она погружает в них голову и приступает к трапезе, которая длится до тех пор, пока запас пищи не будет полностью израсходован. Причем, поедание беспомощного хозяина происходит в строго определенной последовательности: сначала съедаются наименее важные органы, такие как мышцы, кровь, жировое тело, и только под конец приходит черед самой важной системы – нервной. В результате, парализованная жертва до самого последнего момента остается живой, т. е. пригодной в качестве пищи. Таким способом – посредством заготовки «живых консервов» – личинка-паразит обеспечивается свежей едой.

Если иметь в виду столь громадное и тотальное значение экспансии в адаптации и поведении живых существ на планете, вполне научно продуктивным и корректным было бы создание общего учения об экспансии – **экспансиологии (expansiology)**. Тому есть аналогия: экспансия в политике оформлена в геополитику, которая принята уже не только как практика государств и народов, но и как наука, основы которой и заложил Ф. Ратцель (11)

Коммуникация и фасцинация

Ни одно из названных качеств и видов экспансионной активности невозможно без коммуникации.

Коммуникация как способ связи и возникла для обеспечения продуктивного взаимодействия особей в рамках родного сообщества и при контактах с соседствующими, как симбиотными, так и враждебными.

Скажем, открыто микробиологами, что вирус делает метку на инфицированной им бактерии или клетке, призванной просигнализировать своим собратьям, что «занято, иди к другой». Очень полезная для экономики вида сигнализация. Управленческая!

Есть одна потребность у коммуникации, которая архиважна для ее оптимальности: сообщение не только должно идти к адресату, но обратить его внимание и обеспечить максимально надежный прием. Вот для обеспечения этой потребности в надежном адресном нацеливании и была, на мой взгляд, изобретена эволюцией фасцинация. **Фасцинация – это нацеленная экспансия коммуникации.**

Для реализации нацеливания необходимы сигналы особого рода: активно «цепляющие» к себе рецепторы адресата, сверхизбыточные (то есть не теряющиеся и не пропадающие), привлекательные, обаятельные, когда надо, и, напротив, пугающие, когда вынуждают обстоятельства. Все эти свойства сигнала и делают его фасцинирующим, то есть либо возбуждающим, волнующе чарующим, либо шокирующе устрашающим. Так фасцинация стала нацеливающим стимулятором коммуникации. Без фасцинации коммуникация обречена на энтропийное затухание – информация плохо или совсем не воспринимается, становится малоэффективной как элемент самоорганизации живых систем – организмов и их сообществ.

У человека язык и речь – самые фасцино-экспансивные средства коммуникации, но таковыми они являются благодаря фасцинации-интонации и вне интонации во всем богатстве ее использования речевое общение невозможно. Речь и возникла скорее всего благодаря интонации, напеву интонационной модуляции гласных. Из интонации родились музыка и пение.

Фасцинация – **имманентное качество** коммуникации всего живого, включая человека. Она не «фон», как полагают некоторые исследователи (в частности, Г. Андреева в своем учебнике «Социальная психология»: 3-е издание. М.: 1997), а неотъемлемая компонента коммуникации (Ю.Кнорозов, Ю. Шрейдер, В. Соковнин), сопряженная в коммуникационных процессах с информацией во множество сигнальных комплексов: от минимального (сигналы настройки внимания) до максимального (музыка, орнамент, фейерверк) в них участия. Фон – всего лишь одна из форм фасцирования.

Определение фасцинации

Подчеркну в очередной раз, что фасцинация в том значении, каким ее наделяли древние римляне (слово «фасцинация»

–*fascination* – пришло в европейские языки от древних римлян), является не только очаровыванием, обольщением, прелестью (это значение и закрепилось в европейских языках и английское *fascination* стало стандартом), но также одурманиванием, устраниением дурного глаза, околдовыванием. Все, что чарует (красота тела и вещей, музыка, танец), заразительно, но заразителен и страх, он сеет панику. Именно эту сторону фасцинации – сам того не желая по всей видимости! – подчеркнул А. Брудный в своем определении фасцинации, ставшим хрестоматийным и протиражированным от первой публикации в 1987 году в самом авторитетном психологическом словаре под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, впервые изданном еще в СССР в 1987 году, и в десятках словарей и энциклопедий. Это определение в неизменном виде цитируется бесчисленно и всеми подряд (а другого нигде и нет!) за небольшими исключениями (так, А. Назаретян, Н. Мечковская в своих работах дают иное понимание фасцинации). Пролистав огромный 800-страничный «Новейший психологический словарь» (автор В. Б. Шапарь, 3-е издание, 2007), на 711 странице обнаружил то же самое определение – один к одному!

Удивительно, но за все прошедшие уже десятилетия (!) после опубликования этого определения никто ни единым намеком не отметил содержащиеся в нем кричащие противоречия, и в первую очередь несоответствие текста самого определения с подкрепляющей его иллюстрацией. Чтобы не выглядеть голословным и убедиться в истинности выдвинутого мной утверждения о научной некорректности определения фасцинации, предложенного А. Брудным, рассмотрим его в опубликованном точном авторском варианте: «Фасцинация (от англ. *fascination* – очарование) – специально организованное **вербальное (словесное) воздействие** (выделено мной – В.С.), предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение. Формы Ф. могут быть различными. В зависимости от акустической организации интенсивность Ф. может варьировать от минимальной (монотонная дикторская речь) до максимальной (специально интонированная речь, декламация, пение). Важным фактором Ф. выступает ритмическая организация сообщения. Существует также семантическая Ф., когда текст сообщения при определенных условиях оказывается жизненно значимым для реципиентов, вызывая резкое изменение их поведения (например, семантическая Ф. проявилась в «феномене 30 октября 1938 года», когда радиоинсценировка «Борьбы миров» Г. Уэллса вызвала в США массовую панику, охватившую свыше миллиона человек. Аналогичный эффект эта радиопостановка вызвала в Эквадоре 15 лет спустя). Эффектом семантической Ф. обладают также слухи» (15).

Противоречием является, как я считаю, включение в определение в качестве подчеркивающей смысл иллюстрации отсылки к примеру массовой паники, охватившей свыше миллиона слушателей радиопостановки фантастического произведения Г. Уэльса «Борьба миров». Паника возникла от внушенного постановкой страха. Это означает, что режиссеру радиопостановки удалось так «специально организовать вербальность» Г. Уэльса, что она сфасцинировала страх, переросший в панику. Другими словами, фасцинация из «очарования», что заявлено в ее определении, превратилась в «паническое устрашение». Иллюстрация таким образом подкосила определение под корень, что, однако, не замечено было никем и определение А. Брудного кочует до сих пор из публикации в публикацию, из словаря в словарь, из сайта в сайт, не говоря уже о журналистских опусах.

Не менее непонятным является также ограничение А. Брудным феномена фасцинации исключительно «вербальностью». Если бы не было опубликованных определений фасцинации первооткрывателем этого феномена Юрием Кнорозовым и включения его в научный оборот, то никаких претензий к определению А. Брудного не могло бы возникнуть. Но сам же А. Брудный сослался на Ю. Кнорозова в своей монографии в 1972 году как на первоисточник термина «фасцинация» (2, С 79)! А ведь Ю. Кнорозов предложил понимать фасцинацию

широко, не ограничивая ее «семантической вербальностью». Он отнес к фасцинации музыку, орнамент, фантомы, созданные воображением-«выдумкой» (8; 9). Кстати, ни в своей монографии, ни в психологическом словаре А. Брудный музыку и орнамент, как подчеркнутые Ю. Кнорозовым формы полной фасцинации, даже не упомянул, вроде их и не существовало в сфере фасциативной реализации, но «пение»... процитировал. Более того, ссылаясь на Ю. Кнорозова, сделал такую, очень показательную, на мой взгляд, проговоруку: «заимствуя из этой теории термин «фасцинация» (речь об общей теории сигнализации Ю. Кнорозова – В.С.), мы даем ему определение, несколько отличное от исходного» (2, С 79). Поразительно! Все, что есть у Ю. Кнорозова, повторено в буквальности... кроме музыки и орнамента! Выходит, «некоторое отличие от исходного» и заключается в том, что пение оставлено, а инструментальная музыка и орнамент вычеркнуты. И об этом – ни слова ни в монографии, ни в психологическом словаре! А речь ведь идет не о каком-то проходном термине, а о ГЛАВНОМ термине теории фасцинации. И еще: интерпретация А. Брудного опирается на термин, внесенный в науку именно Ю. Кнорозовым, зачем же придавать ей статус собственной оригинальности («несколько иное»), сведя фасцинацию к вербальности, вычеркивая существенные компоненты, а в психологическом словаре к тому же ни слова не сказать о первооткрывателе? Получилась, на мой взгляд, некорректная с научной точки зрения подмена оригинала искаженно-тенденциозным аналогом, причем оригинал даже не назван. Таким образом не определение фасцинации Ю. Кнорозова*, автора и первооткрывателя, вошло в научный обиход, а зауженная до вербальности тенденциозно искаженная дефиниция А. Брудного, будто он и открыл фасцинацию. Поразителен факт: при живом классике-первооткрывателе (Ю. Кнорозов скончался в 1999 году) на его детище ссылались только Вяч.Вс. Иванов, А. Войскунский, М. Арапов, Ю. Шрейдер! У всех, кто касался в своих трудах феномена фасцинации, фигурировали ссылки на А. Брудного и его дефиницию. Замечу и такую деталь: в своих публикациях после 1972 года А. Брудный на Ю.Кнорозова... нигде не сослался (!). Это загадка.

Так в самом начале процесса познания феномена фасцинации был забит гвоздь преткновения, поставлен барьер, который все еще не преодолен. Осмелюсь утверждать, что дефиниция фасцинации, предложенная А. Брудным и психологическим словарем Петровского-Ярошевского, принципиально неточна, поскольку схватывает только один аспект фасцинации (хоть и существенный) – речевой, вербальный, психолингвистический. Потому и примеры приведены этого рода: радиопьеса, декламация, слухи. Для более полного пояснения можно было бы добавить и такие «специально организованные вербальные сигналы», как метафора, эпиграмма, притча, каламбур, речевые парадоксы, юмор («котлеты отдельно, мухи отдельно»), и, конечно же, поэзию. И... сплетни, не уступающие по силе фасцинирования слухам (сплетни убили Пушкина!).

И возникает вопрос: а куда отнести «**визуально организованные сигналы**», тоже явно семантические, возбуждающие и волнующие психику и сознание, такие, как выразительные жесты и мимика (многозначительные взгляды порой стоят тысячи слов!), натюрморты, немая мультипликация, видеоряды рекламы, гармония мавзолея Тадж-Махал («музыка в камне» по Гёте), светоцветовые фонтаны-шоу? Или карикатуру, своей фасцинацией вызывавшую ненависть у Наполеона и Гитлера? Не говоря о музыке, которую Ю. Кнорозов назвал абсолютной фасцинацией. В определении фасцинации А.Брудного все это осталось «за кадром» – как несущественное (будто и не существующее как фасцинация). Должно быть именно потому, что все это... не словесно.

Считаю, что определение фасцинации А. Брудного из психо-

Развернутого определения фасцинации, подобно дефиниции А. Брудного, Ю. Кнорозов не оставил, поэтому лучшим способом усвоить его понимание фасцинации – это внимательно прочитать его публикации. Я собрал и опубликовал их в сборнике «Фасцинация. Коммуникация. Общение» – Екатеринбург: АФА, 2010 (электронный вариант: <http://www.koob.ru/sokovnin/>).

логического словаря Петровского-Ярошевского пора отодвинуть в сторону как исторический вариант, отработавший свое просветительское, хоть и искаженное, назначение, когда о существовании фасцинации вообще мало кто знал, а немногочисленные публикации Ю. Кнорозова и вовсе были почти неведомы. Сужение определения фасцинации до «специально организованного вербального (словесного) воздействия» вряд ли в настоящее время может считаться научно продуктивным. Более того, оно некорректно. В нем нет места ни чарующей родинке на щеке Мерилин Монро, ни блистательно-петушиному гусарскому мундиру, введившему девиц XIX столетия в гипнотический транс влюбленности, ни, тем более, соловьиному свисту, обольщающим половым феромонам насекомых или явно фасцинирующим гандикапам (по А. Захави), таким, как роскошные хвосты у райских птиц и огромные рога у оленей. А уж таким невербальным фасцинациям как фейерверк и салют – и подавно.

Устрашающая фасцинация

При всей противоречивости и некорректности определение фасцинации А. Брудного содержит очень продуктивную подсказку к более глубокому пониманию феномена фасцинации. Перечеркивая свое же определение фасцинации как организованный чарующий вербальности, А. Брудный по сути имплицитно ввел в оборот понимание **фасцинации как устрашающего воздействия огромной силы**, способного сеять страх и панику.

Именно устрашающего околдовывания-одурманивания и боялись в фасцинации древние римляне, на эту особенность их психики обратил внимание П. Киньяр в своем блистательном эссе «Секс и страх» (7): римляне страшились даже романтической любви и за ее воспевание поплатился поэт Овидий, сосланный императором Августом с глаз долой из Рима, чтобы не смущал боязливые души римлян. Секс, либидо, похоть – этого сколько угодно, этим занимаются и животные (Ювенал так и писал: «Похоть одинакова у всех»), но только не любовь, которая, чаруя и околдовывая, затаскивает человека в омут зависимости и безумия.

Что объединяет эти две стороны фасцинации: очаровывание и устрашение? То, что является стержнем фасцинации – аффектирующая (аффект от лат. *affectum* – душевное волнение, страсть) мощная, перечеркивающая трезвый рассудок захваченность, поглощенность возникшим от воздействия сигнала фасцинации сильным волнением, а в крайних вариантах – одержимость и экстаз. Люди впадают в волнующий транс от сигналов чарующей красоты, но в еще большей степени – в шок и ступор от воздействия сигналов опасности и смертельной угрозы.

Своей шокирующе устрашающей ипостасью фасцинация с древних времен и до сего времени сеет в душах людей разного рода фобии. Чего стоят только страх перед взглядом и порчей и сонм угрожающих бытовых и религиозных примет и знаков, вроде перебегающей дорогу черной кошки, или свалившейся удачи, при которой надо непременно сплунуть три раза.

Ю. Кнорозов специально устрашающую составляющую феномена фасцинации не выделил. Тем не менее есть все основания полагать, что она не ускользнула от его исследовательского внимания. Так, в своей единственной обширной статье об основах общей теории сигнализации, в которой фасцинации уделено особое внимание (9), он привел в качестве фасцинирующих сигналов высшего порядка в животном мире сигналы предупреждения об опасности. Более того, подчеркнул, что именно такие сигналы в биологических сообществах в первую очередь образуют фасцинирующую коммуникацию, без которой существование биологических сообществ было бы крайне затруднено, если вообще возможно. В живом симбиотическом взаимодействии биологических видов фасцинирующие сигналы об опасности воспринимают друг у друга даже разные биологические виды: так, приматы реагируют адекватно на предупреждающие звуковые сигналы птиц.

Как действует сигнал устрашающей фасцинации наглядно и убедительно показал один каверзный случай из криминалистической практики.

Мэган Фри, которой было 44 года, умудрилась умереть от руки одновременно 14 (!) полицейских. Она занималась бродяжничес-

твом и забрела на специальный полигон с декорацией нескольких городских улиц, где полицейские занимались отработкой стрельбы по внезапно выскакивающим, имитирующим вооруженных преступников мишеням. Увидев осторожно идущих полицейских, Мэган выпрыгнула из окна декорации прямо перед ними с криком: «Бух!». Полицейские приняли Мэган Фри за внезапно вброшенную мишень и выпустили по ней 67 пуль (40 из которых поразили Мэган Фри). В своем отчете один из стрелявших полицейских написал: «Она выглядела как просто очень реалистичная мишень» (см. источник: <http://facte.ru/history/19504.html#ixzz2zW7c28ol>).

Описанный эффект очень схож с тем, тоже криминалистическим, случаем, который привел Даниэл Голдман (Daniel Goldman) в книге «Эмоциональный интеллект» как пример мгновенного неконтролируемого разумом воздействия страха. Даниэл Голдман приводит такую иллюстрацию в разделе, озаглавленном «Когда страсти преобладают над рассудком»: «Это была трагедия ошибок. Четырнадцатилетняя Матильда Крэбтри просто разыграла своего отца: она выскочила из чулана с воплем «Пу-у-у!», когда ее родители вместе возвращались утром из гостей.

Но Бобби Крэбтри и его жена думали, что Матильда провела эту ночь у друзей. Входя в дом и услышав какой-то шум, Крэбтри потянулся за пистолетом калибра 9 миллиметров и вошел в спальню Матильды, чтобы выяснить, в чем дело. Когда дочь выскочила из чулана, Крэбтри выстрелил ей в шею. Матильда Крэбтри скончалась через двенадцать часов» (3, С 20–21).

Даниэл Голдман дает такое объяснение действиям отца застреленной им дочери: «Нашим эмоциональным наследством, доставшимся нам от эволюции, является страх, мобилирующий нас на защиту нашей семьи от опасности. Именно он побудил Бобби Крэбтри схватить пистолет и поспешить расправиться с незваным гостем, который, как он думал, незаконно проник в его дом. Страх заставил Крэбтри выстрелить, прежде чем он успел полностью осознать, в кого он стреляет, и даже прежде чем он узнал голос собственной дочери. По мнению биологов-эволюционистов, автоматические реакции такого рода прочно закреплены в нашей нервной системе, поскольку в течение длительного критического периода в предыстории человечества они определяли грань между жизнью и смертью. Но еще важнее то, что они способствуют осуществлению главной задачи эволюции: обеспечивать возможность производить потомство, которое продолжит передачу этих самых что ни на есть генетических склонностей, по горькой иронии ставших причиной трагедии в доме Крэбтри».

Вывод Дэниела Голдмана точен: внезапный страх автоматически привел в движение защитные действия отца, причем, что очень важно отметить, минуя осознание ситуации. За исключением одной детали сложившейся ситуации, которой Голдман не мог знать, так как не имел информации о феномене фасцинации. Дело в том, что прежде, чем мозг отца захлестнул страх, его мозг воспринял и мгновенно зарегистрировал сигнал – внезапное нежданное появление в доме чьей-то фигуры и пугающий крик «Пу-у-у!». Этот сигнал есть не что иное как сигнал устрашающей фасцинации, мгновенно, в доли секунды приводящий в возбуждение всю нейросистему ужаса и мобилизации спасения – отец и выстрелил в сигнал-фигуру. Между ужасом с выстрелом и выскокшей в темноте (!) из чулана дочерью вспыхивает устрашающий фасцинирующий смертельную опасность сигнал – чья-то фигура и крик «Пу-у-у». В самом крике ужаса нет. Он есть в восприятии крика и соотношении его с эволюционной реакцией на смертельно опасное устрашение. Если бы у отца девочки была удалена амигдала, та структура в мозге, которая содержит эволюционно запрограммированный опыт реагирования на сигналы опасности, отец бы и глазом не моргнул: сигнал остался бы тем же самым, но рецепторно-аналитический блок в мозге, ответственный за узнавание такого рода сигнала и включение соответствующего ему эмоционально-энергетического тонуса и поведения, отсутствовал бы. А при реальной опасности для жизни (не розыгрыш дочери, а преступник) без амигдалы отец бы погиб. Так, редкие люди, родившиеся с таким дефектом рецепторной реакции как отсутствие восприятия высоких температур, лишены реагирования на горячие предметы и обжигаются. Сигнал есть (раскаленный докрасна предмет), но он не пугает, поскольку нет опыта восприятия его как опасного для

организма. Тот же эффект в эксперименте с макакой, которой удалили амигдалу: увидев змею, она не только не испугалась, как должна была бы придти в ужас, если бы амигдала была на месте, а с любопытством стала разглядывать рептилию.

В чем заключается сходство обеих ситуаций? В случае с выходкой бродяжки ни о каком страхе и речи быть не могло. Группа полицейских отреагировала на сигнал, спутав щит-имитацию с фигурой живого человека. Разум не успел сработать, сработала автоматическая реакция на фасциативный для них, погруженных в тренировку меткой стрельбы, сигнал-щит. Их разум даже крик женщины «Бух-бух!» игнорировал (щиты ведь не кричат!). Тут надо разделить сигнал и нацеленность внимания полицейских. В случае с выстрелами отца в дочь разум также выключился, а внезапно выскочившая в темноте человеческая фигура и крик «Пу-у-у!!» включили автоматическую реакцию защиты. В этом случае надо разделить уже сигнал и страх. Страх был вторичен, он был вызван устрашающим сигналом и этот сигнал впяив в глубинные структуры мозга человека как сигнал опасности, на который следуют по сути две реакции: бежать прочь или яростно защищаться. У отца в руках оказалось орудие защиты – пистолет. Мог быть нож. Или только кулаки и физическая сила.

Таким образом, можно придти к выводу, что эмоция связана с фасцинирующим сигналом как закрепленная видовая и приобретенная индивидуально оценка значимости такого сигнала для жизни особи. А сама роль сигнала заключается в том, что он приводит эмоцию в активность мгновенно в доли секунды, он – активатор эмоции, но не сама эмоция.

И такое мгновенное реагирование на сигнал фасциации очень актуально для выживания вида и особи, поскольку такой автоматизм оптимально мобилизует особь на ценное в данной ситуации действие: взбираться на деревья от змеи или, напротив, мгновенно ринуться с дерева на землю, если появился орёл. Фасцинирующий сигнал – особый сигнал, сформированный эволюцией, это сигнал мгновенно оптимизирующего управление поведением отдельной особи и сообщества особей.

Как разделены эмоциогенная ситуация и фасцинирующий ее сигнал прекрасно иллюстрируется описанием Ф. Достоевским своих походов в игровой клуб, когда, по его признанию, еще далеко не дойдя до игрового зала его начинало колотить от волнения при услышанных звуках прыгающего рулетного шарика. Звук шарика для него – фасцинирующий сигнал!

Итак, в розыгрыше Мэган Фриш отключил разум и привел к автоматической реакции стрельбы сигнал фасциации – внезапно выскочившая фигура человека, аналогичная тренировочным щитам-человеческим фигурам, а в убийстве отцом дочери разум был отключен и последовала мгновенная реакция защиты от опасности сигналом внезапного неожиданного появления в доме человека с ужасающим криком «Пу-у-у!».

Кстати сказать, многие устрашающие игрушки и розыгрыши сконструированы как раз в соответствии с этим принципом. Пистолет-имитация позволял преступникам грабить банки: служащие под дулом игрушечного пистолета впадали в панику и покорно ложились на пол. А в декабре 2013 года полицейские в США открыли огонь по непослушному подростку, который не отреагировал на их приказ положить оружие на землю и направил на них игрушечный автомат, очень точно имитирующий настоящий.

Выделение устрашающих сигналов как сигналов фасцинирующего качества помогает понять эволюционное предназначение фасциации как особого коммуникативного средства, параллельного информации и взаимопереплетенного с ней в дополнительном, по Н.Бору (1), единстве. Коммуникация невозможна и бесполезна без наполненности информацией: коммуникативные влияния-сообщения – это информационные сообщения, в этом их суть и в этом заключена организационно-управленческая функция информации. Вместе с тем без помощи фасциации информация часто не доходит до адресата и следовательно коммуникация становится малоэффективной. Примеров того, как фасциация оптимизирует информационные сообщения, можно приводить бесконечно.

Но дело не только в этом. Во множестве коммуникативных ситуаций фасциация не просто бывает даже важнее информации, она становится самостоятельным экспансивным средством, не нуждающимся в информации. В человеческой

коммуникации таким абсолютно фасциативными средствами общения являются музыка и танец. В биологических сообществах имеют высочайшее фасцинирующее качество и вне фасциации попросту невозможны почти все сигналы-релизеры.

Fascino-targeted communication **Фасцинирующее коммуникативное нацеливание**

Основной функцией фасциации в коммуникативных процессах, как я предполагаю, является **адресное нацеливание**. Можно сказать, что **фасциация находится на острие коммуникации как разящий наконечник копья, запущенного в цель**. И потому, перефразируя изречение Сократа о ценности здоровья, можно сказать о значении фасциации так: **фасциация – это в общении не всё, но без фасциации общение – ничто**.

Ю. Шрейдер в 1974 году применил к сигналам фасциации метафору «позывных» (22), имея в виду, что они останавливают и привлекают внимание к коммуникативному сообщению, как это делает маяк. Это верно, но не вполне точно, и Ю. Шрейдер позже в соавторстве с Мусхелишвили Н.А. высказал идею, что фасциация представляет собой однопорядковую к информации по значению компоненту коммуникации и от нее зависит оптимальность передачи информации (12). Это уже не только «позывные», а организационная составляющая коммуникации. Я сказал бы, что даже во вспомогательном качестве «позывных» сигнал фасциации «нацеливает» сообщение, организует его передачу и восприятие. Именно эта функция нацеливания и создала фасциацию и фасциативную коммуникацию с ее яркими, настърными, впечатляющими и впечатывающимися в психику и память сигналами. Другими словами, **фасциация в коммуникативном процессе представляет собой побудительное чарующее или устрашающее коммуникативное нацеливание**, осуществляемое либо как самостоятельное, либо – чаще! – в таком соединении с информацией, при котором информация оптимально воспринимается адресатом. В этом заключается суть фасциации, без этой функции она попросту не нужна, да и невозможна.

Практическое применение фасциации для всех коммуникативных профессий: умение выдвигать в коммуникативных воздействиях на острие не скучную, хоть и важную, информацию, а фасциативный сигнал нацеливания-таргетинга – экспансивного захвата внимания, нацеливания и стимулирования восприятия, анализа и ответа на него.

В последнее время все шире и эффективнее targeted communication используется в рекламе и маркетинге.

Фасциативные чарующие и устрашающие атаки

Фасциативная коммуникация повседневно и всеохватна, она совершается в самых разнообразных формах и форматах. И особенно впечатляющими и эффективными являются своеобразные фасциативные комплексы, потоки, нацеленные коммуникативные волны и выплески. Я назвал их термином «фасциативные атаки». Элементарный и яркий образец фасциативной индивидуально нацеленной атаки – ухаживание влюбленного мужчины за женщиной, избранной им для супружества (аналоги – брачное поведение животных). Этот фасцинирующий театр включает в себя множество элементов и средств: режиссуру, ритуал, выдумку, воображение, творчество, коммуникативный опыт, привлечение помощи, и т.д. Вплоть до чтения и изучения разного рода «руководств» по соблазнению и обольщению, которыми в нынешние времена переполнен книжный рынок и Интернет.

Донжуан, обуреваемый своей либидозной страстью, не просто интенсивен в устремленности соблазнить понравившуюся ему «жертву», он обрушивает на нее продуманный и отработанный эротический коммуникативный каскад фасцинирующих средств. Он не убеждает быть к нему благосклонным средствами информации, а пускает в ход чарующие сигналы и приемы фасциации обольщения.

Еще более изощренным в организации фасциативных атак обольщения является мошенник-брачный аферист.

Великолепно коммуникативно продумана у всех народов древности и архаичных племен фасциативная агрессивно-устрашающая обрядовость начала военного сражения. Система фасцинирующих страхов атак включала: снаряжение воинов с набором

устрашающих и магических символов и знаков; акустическое нашествие (бой барабанов, достающее до печенок звучание боевых труб, угрожающий рев, ритмические удары по щитам); световые эффекты (факелы, костры, огненные стрелы). И эти фасцинативные предвещающие сражение атаки часто приводили противника в ужас и панику, обеспечивали победу.

Обрела и всемерно развивает качество фасцинирующих атак на потребителя современная коммерческая реклама товаров и услуг. Потребитель «клюет» на модные бренды, глуповатые слоганы и красочно-сексуальные эффекты. Часть телезрителей воспринимает рекламные видеоклипы не просто с удовольствием, но как шоколадные конфетки – любит и ждет их.

Фасцинативные атаки стали общим местом в современной политической пропаганде, предвыборных баталиях и бизнес-конкуренции. Создание восхитительных деловых и политических репутаций достигается исключительно умело сконструированными фасцинативными атаками. Как, впрочем, и разрушение репутаций, чем промышляют опытные «черные» пиарщики.

Фасцинофикация

Нацеленная, продуманная и системно организованная совокупность фасцинативных атак в сочетании с атаками информационными создают такое неотразимое коммуникативное воздействие, которое я называю **фасцинофикацией, то есть изменением психики и сознания индивидов и масс в намеченном, спланированном направлении.** Процесс фасцинофикации бывает столь оглушающе успешным, что в буквальном смысле сводит массы с ума. Это показал исторический пример умопомрачения народных масс в Германии, достигнутый фасцинофикацией Гитлера-Геббельса (см. подробнее: 18, С 120-130).

Но исторических примеров-образцов фасцинофикаций не один и не два, а множество.

Широко известен исторический факт технологии расправы над православной церковью, которую сконструировал великодушный «черный пиарщик» В. Ленин. Он срежиссировал и запустил в общество по всем существовавшим тогда каналам слух о том, что в то время как народ голодает и умирает, попы набивают церкви золотом и жиреют. Дождавшись народного негодования, затем приступили к разгрому церкви, экспроприации церковного имущества, главным образом, конечно же, золота и драгоценностей, разрушению церковных храмов, арестам и расстрелам священнослужителей. Получилось!

По сути, весь так называемый «черный пиар», широко в России применяемый в избирательных кампаниях, а в последнее время и в конкурентной борьбе корпораций, есть в основе своей не что иное, как конструирование эффективной фасцинофикации. Современная реклама буквально пронизана демонстрированием эффектных картинок о несуществующих качествах товаров и услуг. В еще большей степени свойственна дезфасцинация рекламе магов и целителей с их обещаниями излечить все болезни сразу, снять порчу и сглаз, а заодно настроить тело и душу на сплошное счастье и удачу.

Не случайно некоторые авторы применяют одно из определений фасцикации как технологии «зомбирующе-чарующего массового воздействия».

Одним из методов фасцинофикации, применяемый в кризисные времена, является метод «психологического шока». Его удачно применяли еще в Первую мировую войну. Пресса противников Германии буквально «бомбила» массовое сознание статьями о жестокости солдат кайзера. Изуверские картины должны были вызвать ненависть ко всем немцам. Вот несколько примеров, почерпнутых из статьи Р. Зульцмана «Пропаганда как оружие в войне». Всю мировую прессу обошла ложь об отрубленных солдатами детских руках. Для католиков была придумана легенда о распятии католических священников: их якобы подвешивали к колоколам. Самой «действенной ложью» стало сообщение о том, что немцы перерабатывают трупы солдат, своих и чужих, на стearин и на корм для свиней. Общественность негодовала. Для Китая это сообщение стало формальным поводом для вступления в войну на стороне Антанты. Заметка о том, как кайзер добывает жир из трупов солдат, раздула пламя ненависти среди американских граждан и среди народов других цивилизованных стран. Совершенно

нормальные люди, узнав об этом, сжимали кулаки и бросились к ближайшим бюро по вербовке в армию.

А вот другой исторический пример манипуляции общественным мнением, который привел Томас Карлейль: «В мае 1750 года полиция, проводя очередную чистку, решила заодно забрать и детей некоторых уважаемых лиц, надеясь получить за них выкуп. На площади стали собираться возбужденные толпы народа, слышались дикие крики обезумевших матерей. Многие тогда поверили отвратительной и нелепой басне, будто доктора прописали одной важной особе принимать ванны из детской крови, чтобы восстановить собственную, испорченную развратом» (6).

Геббельс – всего лишь эпигон, применивший «давно забытое старое», когда постулировал для германской пропагандистской машины принцип «грандиозности лжи».

И как это ни парадоксально, человечество до сих пор так и тянет осуществлять воздействие на народные массы способами фасцинофикации именно с применением грандиозной лжи. Этакий шизофренический **синдром фасцинативного нацеливания на оболванивание...**

Литература

1. Бор Н. Причинность и дополнительность. / Избранные научные труды. Т. II. – М.: Наука, 1971.
2. Брудный А.А. Семантика языка и психология человека. – Фрунзе: ИЛИМ, 1972.
3. Голлман Д. Эмоциональный интеллект. – М.: АСТ, 2009.
4. Дугин А. Основы геополитики. – М.: Арктогея, 2000
5. Еськов Ю. К. Удивительная палеонтология. История Земли и жизни на ней. – М.: ЭНАС, 2008.
6. Карлейль Т. Герои, культ героев и героическое в истории. / Психология толпы. – М.: Эксмо-СПб: TERRA FANTASTICA, 2005.
7. Киньяр П. Секс и страх. Перевод с французского И. Волевич. – М.: Текст, 2000.
8. Кнорозов Ю.В. Собеседование по общей теории сигнализации с Ю. В. Кнорозовым // Структурно-типологические исследования: сб. статей. / Отв. ред. Т. Н. Молошная. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
9. Кнорозов Ю. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. – М.: Наука, 1973
10. Марков А. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. – М.: Астрель : CORPUS, 2010.
11. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. – М.: Конкорд, 1996
13. Мурик С. О природе эмоций, или Что чувствует амёба в горячей воде. // Наука и жизнь, №6, 2006.
12. Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Информация и фасциация в прямой и не прямой коммуникации. // Фасциация. Коммуникация. Общение; под ред. В. М. Соковнина. – Екатеринбург: АФА, 2010 (электронный вариант: <http://www.koob.ru/sokovnin/>)
13. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. – М.: Культурная Революция, 2005
14. Олдз Дж. Выявление подкрепляющих систем головного мозга методом самораздражения. / Механизмы целого мозга. Природа электрических явлений в коре головного мозга. Сб. статей. Перевод с англ. – М.: Изд-во ин. лит., 1963.
15. Психология. Словарь. Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. – М.: 1990.
16. Соковнин В. М. Фасциология. Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. – Екатеринбург. Изд-во Ур. ун-та. 2005.
17. Соковнин В. М. Что такое фасциация. – Екатеринбург: АФА, 2009
18. Соковнин В.М. Фасциолог. – Екатеринбург: АФА, 2009
19. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
20. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. – Экспансия. М.: 2000.
21. Циммер К. Паразиты: тайный мир. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
22. Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем (элементы семиотики). – М.: «Знание», 1974.
23. Фасциация. Коммуникация. Общение; под ред. В. М. Соковнина. – Екатеринбург: АФА, 2010 (электронный вариант: <http://www.koob.ru/sokovnin/>).
24. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». // Вопросы философии. 1990, №7.
25. Хлебников П. Крестный отец Кремля. Борис Березовский, или История разграбления России. – М.: 2001

Вячеслав Вс. Иванов

академик РАН

ПРИМЕР ПОЭТИЧЕСКОЙ ФАСЦИНАЦИИ: «НА СТРАШНОЙ ВЫСОТЕ БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЬ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Среди замечательных достижений теории коммуникации Ю. В. Кнорозова¹ по праву особое место занимает разработанная им проблема фасцинации как особого рода «шума», остраляющего сообщение.

Эта идея существенно помогает разобраться в некоторых свойствах поэтических произведений, прямо не выводимых из предлагавшихся ранее схем поэтики. Наиболее близкой к идеям Кнорозова представляется гипотеза некоторых свойств поэтической формы Е.Д.Поливанова. Попробуем проиллюстрировать применение этого круга представлений на стихотворении Осипа Мандельштама.

I

(1) На страшной высоте блуждающий огонь!

(2) Но разве так звезда мерцает?

(2) Прозрачная звезда, блуждающий огонь -

(4) Твой брат, Петрополь умирает!

II

(5) На страшной высоте земные сны горят,

(6) Зелёная звезда летает,

(7) О, если ты звезда - воды и неба брат,

(8) Твой брат, Петрополь умирает!

III

(9) Чудовищный корабль на страшной высоте

(10) Несётся, крылья расправляет...

(11) Зелёная звезда - в прекрасной нищете

(12) Твой брат, Петрополь умирает!

IV

(13) Прозрачная весна над чёрною Невой

(14) Сломалась, воск бессмертья тает;

(15) О, если ты - звезда - Петрополь город твой,

(16) Твой брат, Петрополь умирает.

Во всех 4-х четверостишиях повторяется в последней (четвертой) строке рефрен «Твой брат, Петрополь умирает» в сочетании с обращением «звезда» в позиции перед цезурой в предшест-

вую ей (третьей) строке в ее середине (в этой строке во второй строфе повторено и существительное брат, а в последней строфе повторно поэтическое название города «Петрополь» и притяжательное местоимение «твой»). При этом в четных - второй и четвертой- (последней) строфах первые половины третьей строки одинаковы- «О, если ты звезда» (пунктуация в конце этого условного предложения разная). Это же слово звезда не в звательной функции (в обращении), а в именительном падеже субъекта непереходного глагола повторено в симметрично расположенных вторых строках первых двух четверостиший. В 6 и 11 строках оно соединяется с прилагательным зелёная. В первой строфе в третьей строке, а в последней строфе в первой строке повторяется прилагательное прозрачная, но в качества эпитета к разным существительным- в первой строке- к звезда, в последней строке- к весна. Всего существительное звезда повторено в 6 строках из 16; кроме 4 строк рефрена оно отсутствует во всех первых строках и во второй строке двух последних четверостиший. Первые строки двух первых четверостиший объединяются начальным оборотом «На страшной высоте», он повторен и в первой строке третьей строфы, но не в начале, а во второй ее половине. В первой и третьей строках первой строфы повторяется сочетание блуждающий огонь, причем повтор второго слова образует тождественную рифму.

Для синтаксиса стихотворения характерны сочетания препозитивных прилагательных (в том числе местоименного притяжательного) с существительными, за ними прямо следующими: «страшной высоте», «блуждающий огонь», «прозрачная/ зелёная звезда/весна», «земные сны», «прекрасной нищете», «чудовищный корабль», «чёрною Невой», «твой брат» (только это последнее местоименное слово в предпоследней строке подвергается инверсии и один раз следует за существительным в сочетании «город твой»). В рефрене во всех строфах и в остальных случаях в двух первых строфах так же непереходные глагольные формы (3-го лица единственного числа

настоящего времени несовершенного вида на –ает /-яет) прямо следуют за предшествующим им существительным : «Петрополь умирает», «звезда мерцает /летает», «сны горят». В двух следующих строфах локальное уточнение или (в одном случае в последней строфе) постпозитивный родительный падеж («воск бессмертья») может вставиться между членами таких же сочетаний («корабль... несется» - возвратная форма, «воск... тает»), но при этом глагольное время может стать (в одном только случае, выделенном переносом в последней строфе) не настоящим, а перфектным прошедшим (совершенного вида) в возвратной форме: «весна ... сломалась». Только в одном случае используется переходный глагол с инвертированным препозитивным положением прямого объекта: «крылья расправляет»; в этом только случае при одном существительном- субъекте два глагола–предиката: один - непереходный (как все остальные глаголы в стихотворении), другой - переходный, связь между ними бессоюзная. Кроме синтаксического параллелизма обращений к «звезде» в каждой из концовок четверостиший можно отметить одинаковость локального определения происходящего «на страшной высоте» в первых трех строфах и описания того, как ломается весна (и лед) «над черною Невой» в последнем четверостишии. Образы «прозрачной звезды» и «прозрачной весны» накладываются друг на друга (при тождестве ритмических фигур), как и «вода» и «Нева» во второй и последней строфах: Петрополь- брат звезды и неба, на котором прозрачная зеленая звезда, и брат воды-Невы и прозрачного льда над ней. Лед (в стихотворении обозначенный только звуком глагольного корня словоформы летает) на Неве – это лед бессмертия. Лед - воск ломается, тает, как бессмертие- город Петрополь умирает. Под блуждающим огнем в первой строфе разумеется то же, что в следующей обозначено глаголом - «земные сны горят», а в следующей за ней (третьей) строфе развернуто в метафору «чужовищного корабля», который несется в небесах. Ритмико-синтаксическая фигура совпадает в начальных полтора строках двух последних строф, где использован перенос (enjambement).

Стихотворение написано правильным ямбом с чередованием нечетных шестистопных строк с мужскими рифмами и строгой цезурой и четных четырехстопных с женскими рифмами, в грамматическом отношении одинаковыми (указанной выше одной категории: глагольные формы 3-го лица единственного числа настоящего времени

на –ает /-яет). Отмеченные выше повторы создают единообразие ритмических фигур. Ритмическая схема стихотворения:

- I
- (1) √ // √ | √ | √ | √ ||
- (2) √ // √ | √ | √ | √ ||
- (3) √ | √ | √ || √ | √ ||
- (4) √ | √ | √ | √ ||
- II
- (5) √ // √ | √ | √ | √ | √ ||
- (6) √ | √ | √ | √ ||
- (7) √ | √ | √ | √ || √ | √ | √ ||
- (8) √ | √ | √ | √ ||
- III
- (9) √ | √ | √ || √ // √ | √ |
- (10) √ | √ | √ | √ ||
- (11) √ | √ | √ || √ | √ |
- (12) √ | √ | √ | √ ||
- IV
- (13) √ | √ | √ | √ // √ | √ |
- (14) √ | √ || √ | √ | √ ||
- (15) √ | √ | √ | √ || √ | √ | √ ||
- (16) √ | √ | √ | √ ||

Звукопись способствует связи существительного звезда с прилагательными прозрачная, зеленая, земные. Любопытна сложная связь фонем в рефрене (повтор губных б, п, м в сочетании с зубным т и плавными р, л, свойственными русской поэтической речи) и связанных с ним словах (брат, страшной, блуждающий, летает- и др.: см. слова и фонемы, выделенные в тексте выше; глубокая рифма мерцает-умирает входит в тот же ряд). Благодаря анаграмматической связи слов **Петрополь –корабль** подчеркнуто соединение описания того, что увидено поэтом на небе (включая этот корабль, и на земле, у Невы.

Повторы, проведенные на уровнях композиции текста, синтаксическом, словесном-семантическом и фонемном, создают условия для фaszинации, позволяющей сосредоточиться на образе тающего бессмертия умирающего города - брата прозрачной зеленой звезды, то есть блуждающего

¹ Свою оценку его вклада в эту область науки я попробовал изложить кратко в общем очерке истории семиотики: *Иванов, Вяч.Вс.* Труды по семиотике и истории культуры, т.1, - М.: Языки русской культуры, М., 1998, с. 697-699.

Jaen Valsiner

Clark University, Department of Psychology, Worcester,
Ma 01610, USA

MEETING WITH THE OTHER: Three Species in the Zoo

We are all living in a zoo. And this is possibly the best location to be—watching what is said to be “natural”—THE NATURE—all carefully displayed to us in culturally set-up containers (Figure 1).

Figure 1. A Sumatran orangutan—*Pongo pygmaeus abelii*-- in the Frankfurt Zoo

about seeing other animals, while their more dominant elders hide their fascination behind the mask of proper conduct as parents or caregivers (Figure 2).

Human beings create cultural barriers that may be transparent, and allow for exploration from a safe distance. Yet nobody knows in the human world what is—or is not—“safe.” Life is a search for safety in new places, ways of being, and in relation to new “others”—humans, pets, animals, virtual realities, and very real but invisible companions of our bodies. We encounter the un-pleasures of a virus—which leads us to our own immunity against it. Or it can also kill us—as Ebola does. Or it can lead to panic campaigns in those societies where most people know of AIDS through television rather than through the demise of their next door neighbors. Feeling “safe” and

We can come close to see—and almost touch— “the other”

We act as if we are very interested in “the other”—yet prefer to keep distance. It is—as we say – “safe”. It is only some of us—the juvenile members of the species—who are ready to explore in full. This is true for all primates—the young explore, create new ways of doing things (Hirata, Watanabe, and Kawai, 2001), take the risks and their consequences. This is beautifully visible when one observes *Homo sapiens* in the zoos—their young offspring are filled with fascination

Figure 2. *Homo sapiens* meeting bonobo (*Pan paniscus*) in the Frankfurt Zoo—behind the double barrier of glass and wire.

being safe are not phenomena of the same kind. Our ambivalence of being in the world is part of living. We are constantly in transit—migrants who move through borders, transcend boundaries and pretend to belong to one or another ephemeral identity group. We take these groups to be real—and by that convenient illusion—we proceed in our social create them as real (Valsiner, 2007). We are constantly aspiring towards the new while fearing it as it comes; and disliking the old --while doing our utmost to preserve it.

The result of this unity of opposites is flirting—not just with a desirable “other” of the preferred gender, but with our own ways of being. We create the abundance of conditions for flirting—by way of cultural boundaries that simultaneously exclude you from “the other” while including you together with “the other”—who is on that “other side” of some barrier. As Georg Simmel explained:

...distinctiveness of the flirt lies in the fact that she awakens delight and desire by means of a unique antithesis and synthesis: through the alternation or simultaneity of accommodation and denial; by a symbolic, allusive assent and dissent, acting “as if from a remote distance”; or, platonically expressed, through placing having and not-having in a state of polar tension even as she seems to make them felt concurrently. (Simmel, 1919/1984, p. 134)

The zoo is a place for safe flirt-- set up by the social institution of parks. It is an area of “the nature” in the middle of “non-nature”—a city—yet by being such area it is only teasing us with being “the nature.” It is a show for looking towards “the nature” in ways culturally set up as to the place (the zoo) and the ways the visitors to it are behaving.

A zoo is a park—“zoopark”—which in the history of urban living has clearly specific utopian social goals. In the late 19th century United States—suffering from urbanization and industrialization stress—parks were introduced in quickly growing cities to protect the urban dwellers from the negative effects of urbanization. Of course that did not work—but parks stayed. We go to the park to

“be in the nature”—while the “nature” is culturally packaged for our use in socially prescribed ways. It is the same with zoo(park)s—we go there to observe animals at a distance where they are supposed to show us their beauty (but not attack us... or just hide from us). And we are instructed not to cross the boundary to the animals—not climb the fences to touch them, not feed them.

So—Homo sapiens goes to the zoo to cross the distance to the “natural” animal nature (which excludes farm animals, or pets) it is an act of moving towards the foreign (Fernweh in terms of German cultural psychologist Ernest Boesch¹ - Boesch, 1991) while striving to see the animal in terms of our familiar understanding (at home—striving towards the familiar—Heimweh in Boesch’s terms). The flirt—being simultaneously at home and far from it—makes our visits to the zoos fascinating. It is the same with tourism—visiting far-way places to live up to the prescriptions from a tourist guide book guarantees the safe thrill (Gillespie, 2006). The adventure of the foreign world is cautiously embraced by the safety of our usual ways of being—and believing that we are the rulers of the natural world.

Maybe we are—after all, we as humans have captured the animals, labeled them, and set up on display in our zoos. It is interesting that one species is not on permanent display in the cages of the zoo—namely, Homo sapiens itself. It would be a fascinating idea if next time when visiting a zoo we would be confronted by a cage

¹ The originator of cultural psychology in 20th century Europe, whose 90th birthday was celebrated on December, 26, 2006 and whose contributions to science have been central for understanding complex human creativity in music and art (see Simão & Valsiner, 2007).

² For example:

“*Homo sapiens* is a species which moves around bipedally, have lost most of its body hair and compensates for that loss by wearing clothes, eats hamburgers and other meat, likes to watch television, and has developed strange limitations as to their mating behavior. Use of tools for killing other animals and other groups of their own species are widespread. The species is spread all over the globe, and is the most common group of animals to visit zoos”

with some representatives of *Homo sapiens* in it, with appropriate explanations². What would we expect from such display? Would the selected representatives be “natural”—which in a zoo means naked—or “cultural”—clothed? Can we wait in front of their special display to observe their mating behavior—after all, their closest relatives—the bonobos—are claimed to be very sexually oriented. These are curious—for some perhaps fascinating—questions about the borderlands of “the natural” and “the cultural” when looking at the meetings of various species in the zoo.

Yet the zoos are also places for looking outside from the point of view of animals. It must be quite a view to see the noisy crowds of humans passing by the front of your cage—if you take the animals’ perspective. They are safe in their long-term confinement—it is the humans who need to worry about finding food in the cement jungles of cities in feeding places called supermarkets and restaurants. They can explore us—and test us! Maybe even show compassion to us in our constant search for safety?

I got the idea of this essay while watching orangutans in Frankfurt zoo—the most interesting part of their look at us humans was their persistent effort to feed the human visitors! The large orangutan hand appears from the cage, and a carrot is thrown towards the humans who are intently watching the animals. We are not socially allowed to feed them... but they have no such restrictions towards us. Nor towards other neighbours (Figures 3 and 4). Food sharing is a basis for social ties. The bonobos and orangutans get the same food in the zoo- and there is no lack of it—so sharing becomes part of exploration of the other.

Of course these all are episodes of lives of migrants who happen to meet in the zoo. In the “real life” there would be no encounters between African-living bonobos and Indonesian-living orangutans. Nor would their encounters with humans in their “natural habitats” be so benign and mutually

helpful— humans they encounter are most likely there to kill them for meat, or capture for one or another form of slavery. So the “generosity” of the apes towards one another—and towards their human relatives—is a cultural artifact. We go to the zoo to make sense of ourselves—through the fascinating bodies and behaviors of “the others.” It must be fascinating for the inmates of the zoo to look at us (see Figure 5)—after all, our human fascination must be quite interesting from the animals’ point of view!

Figure 3. A bonobo exploring a carrot on the mouth of an orangutan neighbor in the Frankfurt Zoo

Figure 4. An orangutan attempting to give food to neighboring but disinterested bonobo in the Frankfurt Zoo

Figure 5. An orangutan facing *Homo sapiens*—“these humans and their young are very cute!”

References

Boesch, E. E. (1991). *Symbolic action theory and cultural psychology*. Berlin: Springer
 Gillespie, A. (2006). *Becoming other: from social interaction to self-reflection*. Greenwich, Ct.: Information Age Publishers.
 Hirata, S., Watanabe, K. & Kawai, M. (2001). “Sweet-potato washing” revisited. In T. Matsuzawa (Ed.), *Primate origins of human cognition and behavior* (pp.

487-508). Tokyo: Springer
 Simão, L. M., & Valsiner, J. (Eds.) (2007). *Otherness in Question: Labyrinths of the self*. Greenwich, Ct.: Information Age Publishers
 Simmel, G. (1984). Flirtation. In G. Simmel, *On women, sexuality, and love* (pp. 133-152). New Haven, Ct.: Yale University Press.
 Valsiner, J. (2007). *Culture in minds and societies*, New Delhi: Sage.

Jaan Valsiner is a cultural psychologist with a consistently developmental axiomatic base that is brought to analyses of any psychological or social phenomena. He is the founding editor (1995) of the Sage journal, *Culture & Psychology*. He is currently professor of psychology at the Department of Psychology, Clark University, USA, He has published many books, the most recent of which are *The guided mind* (Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1998), *Culture and human development* (London: Sage, 2000) and *Comparative study of human cultural development* (Madrid: Fundacion Infancia y Aprendizaje, 2001). He has edited (with Kevin Connolly) the *Handbook of Developmental Psychology* (London: Sage, 2003) as well as the

Cambridge Handbook of Socio-Cultural Psychology (2007, with Alberto Rosa). He has established the new journal on individual case analyses-- *International Journal of Idiographic Science* (2005—www.valsiner.com) and is the Editor of *Integrative Psychological and Behavioral Sciences* and *From Past to Future: Annals of Innovations in Psychology* (from 2007, with Transaction Publishers). In 1995 he was awarded the Alexander von Humboldt Prize in Germany for his interdisciplinary work on human development, and Senior Fulbright Lecturing Award in Brazil 1995-1997. He has been a visiting professor in Brazil, Japan, Australia, Estonia, Germany, Italy, United Kingdom, and the Netherlands.

Борис Ушаков

профессор кафедры управления персоналом Северо-Западной академии Государственной службы (Санкт-Петербург)

ФАСЦИНАТИВНАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Общение людей и поведение отдельного человека определяется системой взаимосвязанных факторов: с одной стороны, целостностью психотипа субъекта, с другой же – всей неисчерпаемостью и непредсказуемостью сигналов, поступающих к нему из внешней среды (условий обитания и активности). Поскольку ни один человек не в состоянии полностью овладеть всем этим космосом, то и само общение всегда предстает как незавершенное, неисчерпаемое и во многом таинственное, хотя и повседневное и обиходное.

Эта таинственность общения необходимо содержит и фасцинативную составляющую (которая может быть понята как сущностная характеристика его). Ведь недаром же коммуникативный голод погружает человека в состояние тоски, скуки, депрессии. И главным лекарством от этой болезни оказывается такое общение, которое привлекает человека, наполняет его радостью и положительными эмоциями.

В принципе, Субъект-1, обращаясь к Субъекту-2 с любым предложением, может сделать это неисчислимым количеством способов (вербальных и невербальных). Но на практике, основываясь на личном опыте и поступающих от Субъекта-1 и из среды сигналах, Субъект-2 избирает один определенный набор проявлений (последовательность действий и процедур общения)

Поэтому как аксиому примем следующее положение: реально существует такой набор проявлений Субъекта-2, после восприятия которого Субъект-1 проявит максимальную готовность исполнить то, что Субъект-2 от него хочет.

Этот набор может характеризоваться:

- наивысшей оптимальностью (быть самым лучшим для Субъекта-2), скомпонованным исходя только из отражения в опыте Субъекта-1 человека (Субъекта-2) и отвлекаясь от возможностей Субъекта-2. Этот набор проявлений дает теоретически оптимальную готовность Субъекта-2 взаимодействовать, общаться с Субъектом-1.

- он может быть лучшим набором, который конкретный Субъект-2 может исполнить исходя из своего опыта и психотипа с учетом отражения его в опыте Субъекта-1.

При любом другом наборе проявлений Субъекта-2 готовность Субъекта-1 к общению с ним будет меньшей и более проблемной (для каждого набора своя специфическая).

Это утверждение будет справедливым, если Субъекта-1 заменить другими людьми (психотипами). При этом отличаться будут как абсолютные величины максимальной готовности Субъекта-1 для каждого из них, так и соот-

ветствующие комбинации проявлений других людей (психотипов). Так, например, Субъект-2 как бы он ни старался, сможет добиться от Субъекта-1 только того, чтобы тот его выслушал, а вот с Субъектом-3 наш Субъект-1 пойдет о огонь и в воду. Так что, помимо общей коммуникабельности Субъект-3 несомненно обладает незаурядной фасцинативной способностью и потенциалом. А значит и общение с ним отличается качественно от других. Да и в Субъекте-1 данный психотип акти-вирует конгруэнтные способности и качества.

Задача Субъекта-2 как участника общения облегчается тем, что, во-первых, факторы, определяющие эффективность его влияния (и фасцинативной притягательности), достаточно познаваемы и поддаются изменению, а, во-вторых, правила целенаправленного изменения этих факторов известны.

Основная задача конкретного Субъекта-2 состоит в том, чтобы выбирать и активизировать такие свои проявления, которые бы:

- в наибольшей степени соответствовали оптимальному набору проявлений, неизвестному для Субъекта-2 (это положение может быть выдвинуто в качестве идеальной цели),
- в наибольшей степени соответствовали опыту и психотипу Субъекта-1,
- изменяли бы поведение Субъекта-1 в нужном для Субъекта-2 направлении.

Анализ конкретных ситуаций общения, их сравнение, выделение общих для них признаков и приводит к определению общих закономерностей, на основе которых одни люди успешно ладят с другими людьми, взаимодействуют с ними, влияют на них, очаровывают, обольщают, добиваются успеха во взаимоотношениях и т.п. Различия между людьми проявляются (помимо всего известного) и в умении «считывать» с других людей информацию и влиять на них. Человек, который прошел дальше других в этом умении, успешно презентует себя в социальных и фасцинативных технологиях.

Эти закономерности знакомы «до боли», поскольку каждый человек погружен в океан общения и практически лишен возможности их избежать или игнорировать. Эта тотальная «узнаваемость» означает, что эти положения не только верно отражают социально-культурную реальность, но и практически действенны, так как воспроизводятся в любой культуре и ситуации общения.

Задача исследования феномена общения в целом и его

фасциативной сущности состоит в синтезе важнейших аксиом общения и практического опыта эффективных его приемов и технологий. Фасцинология как наука о чарующем (фасциативном) поведении животных и человека (Соковнин В. М.) решает эту задачу в научном контексте XXI века. Эпоха аналитических наук и методологий закономерно уходит в прошлое. Субъективная реальность уже давно голодает об утраченной целостности.

Основу этого необычного (для прагматического сознания) знания составляет феномен фасциации – способность внешней формы, демонстрационного коммуникативного сигнала приковывать внимание, вызывать повышенный интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, симпатию, очарование, шок, испуг, экстаз, мигая и отключая какое-либо логико-вербальное (и аналитически-рациональное) объяснение, интеллектуальное аргументирование и тем более критику (Соковнин В.).

Таким образом, феномен фасциации представляет собой специфическую целостность, содержащую в себе экзистенциальную тотальность проявления всего живого и (в особенности) человеческого. Для многих традиционных отраслей человеческого знания (психологии, педагогики, политологии и др.) фасциации закономерны и вплетены в их ткань. Вместе с тем остается нерешенная проблема систематизации и структурирования фасциативных феноменов.

Так как без системного подхода невозможен современный профессионализм во многих видах человеческой деятельности (в особенности – в сфере общения), неисчерпаемость и таинственная притягательность человеческого общения в свете фасциологии обретает более глубокий смысл и значение.

Для успешного овладения не только знаниями основ фасциологии, но и практическими навыками фасциативного поведения необходима выработка рекомендаций прикладного характера, позволяющих достичь как ситуативного, так и системного эффекта в широком спектре бытовых, социальных, деловых ситуаций.

Идеальные схемы, алгоритмы могут быть наполнены конкретикой самыми разными путями. От человека, входящего в этот мир, требуется одно – личностное творческое участие, постоянный процесс поиска и открытий.

Каждая из составляющих успешного общения несет смысловую нагрузку и играет специфическую роль, иногда неза-метную, но решающую. Успешное влияние одного человека на другого и заключается в целенаправленном и комплексном применении, использовании этих зачастую проходящих мимо внимания фасциативных мелочей, из которых и складывается красота человеческих отношений.

Суть же любого фасциативного приема состоит в умелой активизации его для данной ситуации. Непосредственными следствиями фасциативных техник являются:

- лучшее понимание себя и других людей,
- компетентный, системный подход к человеку и общению,
- улучшение навыков общения, в частности, умение довести до партнера важность ваших идей и предложений,
- развитие умения за минимальное время формиро-

вать у партнера положительное отношение к вам и желание сотрудничать,

- улучшение взаимопонимания, повышение отдачи от процедур общения,
- объединение усилий и преодоление в себе и других людях неосознанных барьеров и преград в общении,
- решение проблем психологической совместимости,
- ответственное отношение к словам и действиям (своим и партнера),
- повышение эффективности взаимодействия.

Освоение и использование указанных техник требует постоянной личностной активности, чуткости и восприимчивости к душевным движениям партнера и своим собственным, наблюдательности, умения анализировать и систематизировать факты и поступки, самоконтроля и самоменеджмента. И в процессе освоения фасциативной сущности общения именно эти качества и развиваются, укрепляются, знаменуя тем самым личностный рост.

Комплекс техник общения и фасциативных приемов образует специфическую технологию влияния – совокупность сведений и способов поведения, которые дают возможность получить оптимальные и близкие к ожидаемым результаты. Здесь техника как совокупность приемов, применяемых в любом деле, является составной частью технологии и в значительной степени определяется ею. Механизм понимается как внутренний процесс формирования и проявления некоторого свойства психики в сочетании со способствующими этому условиями.

Таким образом, технология, включающая в себя сведения о механизмах – это база, на основе которой вырабатывается техника, это то, что составляет основу конкретных методов и приемов. Поэтому владение технологией (в практическом смысле) представляется более надежным, чем владение одной техникой. Технология и механизмы есть то общее, что характерно для каждого человека и для общения в целом. А вот технические приемы действуют по-разному.

Знание технологии общения и фасциации позволяет и понимать поведение партнера, и заранее определять сферу применения конкретного приема и последствия этого. Знание же одной техники (а часто – даже и владение ею) этого не позволяет.

В целом же, мир человеческого общения это еще и мир многообразных фасциаций, чарующего взаимодействия. И управленческий профессионализм XXI века не может себе позволить роскошь игнорировать и практически не использовать фасциативные феномены и технологии. Следствием этого являются системные управленческие деформации. Поэтому фасциативная сущность человеческого общения остается воспроизводящейся (вечной) проблемой теории и практики управления (в целом) и персоналом (людьми – в особенности).

Литература

Соковнин, В.М. Фасцинология. Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека / В.М. Соковнин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Е. Омельченко

доцент, (Челябинский государственный педагогический университет)

Лексико-семантическая ритмизация как фасцинативный прием в Нобелевской речи И. Бродского

О воздействующей силе поэтического голоса И. Бродского говорили многие. Особое впечатление производили его публичные выступления, где «интонационная интенсивность» достигала такой степени, что «слушателям становилось физически дурно» (Я. Гордин); некоторые фиксировали «шаманское» действие его манеры чтения, отмечали сходство с религиозным, гипнотическим воздействием (чтением псалмов), особый магнетизм поэта, зачаровывающий стиль и манеру чтения. В общем виде это сводилось к особому интонационно-ритмическому орнаменту речи, акцентуации и специфической манере пауз.

Фасцинация как завораживание, захваченность внимания слушателя пронизывает творчество И. Бродского от ритмической силы звука до личности творца.

Цель настоящей статьи – проанализировать некоторые фасцинативные явления, обнаруживаемые в творчестве И. Бродского. Исследовательским материалом является его Нобелевская речь, произнесенная при вручении премии в 1987 году. Первичное обращение к тексту, приносимому И. Бродским, свидетельствует о необычной, запоминающейся манере речи, отличающейся особым ритмом, темпом, интонацией, акцентами. Все это многократно усиливает эффективность воздействия речи.

О ритмизации как первейшем, основанном на нейрофизиологических механизмах восприятия фасцинирующем явлении говорил Ю.В. Кнорозов, (напрямую соединив фасцинацию и ритмизацию).¹

Р. Потапова отождествляет ритмизацию с повторением и чередованием речевых явлений², она связана со смыслом текстовой информации и проявляется на стадии перехода от интенционального уровня к вербализации. Ритм, по ее мнению, связан и с планом содержания, и с планом выражения.

Важными в области ритмизации являются исследования В. В. Налимова. Он, в частности, отмечает,

что повторы, паузы, смещение ударений могут характеризовать идиостиль. Ритм является составляющей языка, посредством которой бессознательное (интенционально заложенное) осознается. Ритмизация выражается на уровне языковых единиц – звуков, звукосочетаний; представлена в аллитерации и ассонансе; имеет морфолого-грамматическое выражение, лексико-семантические особенности. Синонимы, антонимы, анафора, эпифора также служат ритмизации.

В. Налимов определил функцию ритма как «попытку положить континуальную составляющую на дискретные носители речи»³. В глобальном смысле это имеет прямое отношение к творческому наследию И. Бродского, в котором ритм и рифма играют доминантную, смыслообразующую роль.

На наш взгляд, важными чертами ритмизации в речи И. Бродского являются:

- особый темп речи, состоящий в смысловом замедлении и ускорении, чередовании ритма;
- фразовые выделительные акценты и тональное оформление слова и фразы, связанные с иллюзией высказывания;
- восходящий тон интонации высказывания (восходящий тон, по мнению Е.А. Брызгуновой, служит выражением «ожидания продолжения», создает архисему, суть которой в воздействии, инициировании отклика слушающего⁴);
- особая паузация, заключающаяся в окружении значимого, ключевого слова «смысловым вакуумом» (препозиционное и постпозиционное выделение обозначенной лексемы паузами);
- «информационная значимость скандируемого слова» (О. Прохвятилова)⁵;
- особым смыслом для слушателя автор наполняет прецедентные персонажи и ситуации;
- употребление библеизмов и архаизмов;
- синонимия и антонимия;
- параллелизм речевых конструкций;

1. Кнорозов, Ю.В. Собеседование по общей теории сигнализации с Ю.В. Кнорозовым / Ю. В. Кнорозов // Фасцинация. Коммуникация. Общение; под ред. В. М. Соковнина. – Екатеринбург, 2010. – С. 4.

2. Потапова, Р.К. К опыту изучения семантико-синтаксической ритмизации текстов художественной прозы Текст. / Р.К. Потапова, С.В. Проккопенко // Вопр. языкознания. 1997. - № 4. - С. 101 -114.)

3. Налимов, В.В. В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 280 с.

4. Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. I. – С. 96–122.

5. Прохвятилова, О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О.А. Прохвятилова. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. – 362 с.)

– повторяемость (лексем, грамматических конструкций, высказываний).

Многие из этих черт восходят к псалмодическому речитативу, использованию погласиц при чтении Псалтыря и Евангелия в христианской традиции.

Пребывание И. Бродского за границей, билингвизм не могли не сказаться на дублировании в русской речи фонетических особенностей английского языка, где восходящий тон употребляется в высказываниях, требующих продолжения, провоцирующих диалог.

В любом случае и первое (диахроническое), и второе (синхроническое) условия влияния на творческую речевую манеру поэта диктуют утверждение принципов диалогичности, толерантности, эмпатичности, личности.

Очевидно, проявляющиеся черты рефлексии и автокоммуникации, вербализуемые в высказываниях-откровениях автора, инициируют развитие подобных черт у слушателя.

На примере высказываний можно отметить особую лексико-семантическую акцентуацию, выраженную интонационно, ведущую к ритмизации речи:

Эти тени смущают меня постоянно, смущают они меня (1) и сегодня. Во всяком случае, они не поощряют меня к красноречию (3). В лучшие свои минуты я кажусь себе как бы их суммой – но всегда меньшей, чем любая из них, в отдельности (2). Ибо быть лучше их на бумаге невозможно; невозможно быть лучше их и в жизни, и это именно их жизни (1), сколь бы трагичны и горьки они не были, заставляют меня часто – видимо, чаще (1), чем следовало бы – сожалеть о движении времени (2).

В высказывании присутствуют лексическая повторяемость (1), метафоризация (2), значимая лексическая несочетаемость (3). Информационно выделенные семантические группы лексем с общим значением сложности и трагичности существования одаренного человека в мире акцентируются автором (выделены в тексте).

Кроме акцентуации и особого интонирования (что возможно проанализировать только при прослушивании речи), существует множество приемов ритмизации на лексико-семантическом и грамматическом уровнях. Приведем примеры.

I. Лексический повтор.

Для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко – и в частности от родины, ибо лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии, – оказаться внезапно на этой трибуне – большая неловкость и испытание.

Кроме повторов, в этом высказывании имеется контаминация, семантически выражающая разрушение стереотипа – ментально-языкового конструкта: вместо ожидаемого «честь и радость» встречает-

ся «неловкость и испытание».

Эти тени смущают меня постоянно, смущают они меня и сегодня.

Ибо быть лучше их на бумаге невозможно; невозможно быть лучше их и в жизни, и это именно их жизни, сколь бы трагичны и горьки они не были

II. Синонимия (в том числе контекстуальная).

Синонимы в речи И. Бродского представлены в рядах однородных членов. Будучи включенными в контекст, они формируют семантические ряды, при этом происходит трансформация значений – деннотативного и коннотативного.

Поэтому я позволю себе ряд замечаний – возможно, нестройных, сбивчивых и могущих озадачить вас своей бессвязностью.

...невольнo поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности...

...Сталин пребывал в зените богоподобной, абсолютной, самой природой, казалось, санкционированной власти...

Бегство это – бегство в сторону необщего выражения лица, в сторону числителя, в сторону личности, в сторону частности.

Существовал, вероятно, другой путь – путь дальнейшей деформации, поэтики осколков и развалин, минимализма, пресекавшегося дыхания.

Язык и, думается, литература – вещи более древние, неизбежные, долговечные, чем любая форма общественной организации.

III. Антонимия (в том числе контекстуальная).

Антонимия реализует прием амбивалентности и парадоксальности, который является воздействующим на сознание слушателя.

Мы отказались от него, потому что выбор на самом деле был не наш, а выбор культуры – и выбор этот был опять-таки эстетический, а не нравственный.

Конечно же, человеку естественнее рассуждать о себе не как об орудии культуры, но, наоборот, как об ее творце и хранителе.

...там, где прошло искусство, где прочитано стихотворение, они обнаруживают на месте ожидаемого согласия и единодушия – равнодушие и разногласие, на месте решимости к действию – невнимание и безразличность.

...монструозными или претерпевающими изменения к лучшему очертаниями (о государстве).

IV. Ряды однородных членов, организующих ритмизацию высказывания.

...от попытки навязать знаменателя этого черту, не поднимавшуюся ранее выше пояса, нашему сердцу, нашему сознанию, нашему воображению.

Многое можно разделить: хлеб, ложе, убеждения, возлюбленную – но не стихотворение...

Но это у него, как правило, заемное: от среды, от общественного устройства, от занятий философией в нежном возрасте.

V. Анафора.

Пишущий стихотворение, однако, пишет его не потому, что он рассчитывает на посмертную славу... Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Пишущий стихотворение пишет его, прежде всего потому, что стихотворение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения.

VI. Эпифора.

Достаточно вспомнить авторов греческой или римской античности, достаточно вспомнить Данте.

VII. Употребление архаизмов, старославянизмов, лексических единиц высокого стиля:

- искусство всегда бежит повторения,
- с плачем отвергающий незнакомца...,
- чревата вторжением в суть человека, ложного выбора,
- впадение в зависимость от одного.

VIII. Повторяемость звукоочетаний, аллитерация, ассонанс:

- равнодушие и разногласие,
- кстати и некстати,
- вольно или невольно,
- подлинной опасности для писателя,
- весьма стремительно,
- разнообразие и безобразии.

В речи И. Бродского налицо множество фасцинативных сигналов, репрезентируемых в речевых высказываниях и единицах. Среди них особой воздействующей силой обладают, на наш взгляд, следующие:

1. Развернутая метафоризация, сопряженная с эффектом тайны, загадки.

Их, этих теней – лучше: источников света – ламп? звезд? – было, конечно же, больше, чем пятеро (о великих поэтах – О. Мандельштаме, М. Цветаевой, Р. Фросте, А. Ахматовой, Уинстоне Одене), и любая из них способна обречь на абсолютную немоту.

...черный вертикальный сгусток слов посреди белого листа бумаги, видимо, напоминает человеку о его собственном положении в мире...

...искусство вписывает «точку-точку-запятую с минусом», превращая каждый нолик в пусть не всегда привлекательную, но человеческую рожицу.

...как система нравственного страхования, она куда более эффективна... (о литературе).

2. Прецедентность (имени, сюжета, ситуации).

Вот почему оно часто (об искусстве) оказывается «*впереди прогресса*», «*впереди истории, основным инструментом которой является – не уточнить ли нам Маркса?*» – именно клише.

Живя в той стране, в которой я живу, я первый готов был бы поверить, что существует некая пропорция между материальным благополучием человека и его литературным невежеством... русская трагедия – это именно трагедия общества, литература в котором оказалась прерогативой меньшинства: знаменитой русской интеллигенции.

Стихи, по слову Ахматовой, действительно рас-

тут из сора; корни прозы – не более благородны.

3. Стремление к раскрытию концентрированного смысла концепта и афористичности высказывания.

...не поведением на трибуне достоинство нашей профессии мерится.

добродетель не является гарантией шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист.

в качестве собеседника книга более надежна, чем приятель или возлюбленная.

Роман или стихотворение – не монолог, но разговор писателя с читателем.

В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор.

...книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью переворачиваемой страницы.

4. Творческое варьирование стиля, рассматриваемое как отмена стилистического шаблона и проявление личностного начала автора.

Грамотный-то, образованный-то человек вполне может, тот или иной политический трактат прочтя, убить себе подобного и даже испытать при этом восторг убеждения (элементы разговорного стиля).

...глашатаи исторической необходимости (эффемистичная номинация исторических деятелей).

...по чьему наущению (старославянизм, высокий стиль, в данном контексте служит средством особой иронии над социальным институтом).

человек на тавтологию эту готов согласиться, в гроб с ним вместе не лягут и спасибо не скажут (обиходно-разговорный стиль).

Встречаются единичные – но от этого не утратившие силы воздейственности – языковые единицы, придающие тексту выразительность:

...кого это честь миновала... (оказионализм на основе контаминации в выражении «минуй меня чаша сия» – выражается особое, интеллигентно-робкое, стыдливое чувство автора, обреченного на избранность, публичность в данной ситуации)

...ревнителю всеобщего блага, повелителю масс, глашатаи исторической необходимости (эффемизмы, образное определение политических деятелей; придает оттенок гневной иронии).

Философия государства, его этика, не говоря уже о его эстетике – всегда «вчера»; язык, литература – всегда «сегодня» и часто – особенно в случае ортодоксальности той или иной системы – даже и «завтра» (восходящая градация; определяется ведущая, главенствующая роль литературы в обществе).

...ощущение вступления в прямой контакт с языком (контаминация на базе модели устойчивого высказывания «в прямой контакт с инопланетянами»; подчеркнута вселенская масштабность и универсальность языка).

...любая из них способна обречь на абсолютную немоту (развернутый оксюморон, амбивалентность, так как речь идет о воздействии поэтических строк гениальных поэтов).

В тексте речи отмечено употребление высказываний, имеющих общефилософскую, экзистенциальную направленность. Высокая степень обобщения и абстракции стимулирует декодирование и поиск смысла со стороны слушателя.

Если тот свет существует – а отказать им в возможности вечной жизни я не более в состоянии, чем забыть об их существовании в этой – если тот свет существует, то они, надеюсь, простят мне и качество того, что я собираюсь изложить...

Лексема «зависимость» приобретает особое коннотативное значение – «страстность, захваченность». На наш взгляд, она имеет фасцинативный характер и по семантике (денотативному, коннотативному смыслу), и по направленности авторской интенции.

Зависимость эта – абсолютная, деспотическая, но она же и раскрепощает. Ибо, будучи всегда старше, чем писатель, язык обладает еще колоссальной центробежной энергией, сообщаемой ему его временным потенциалом...

В завершающем высказывании И. Бродский буквально описывает коммуникативную модель с фасцинативной составляющей, в которой повторяемость, захваченность, ритмизация самого процесса выполняет функцию завораживания, привлечения внимания, сверхвоздейственности:

Испытав это ускорение единожды (о творческом процессе), человек уже не в состоянии отказать от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом.

Таким образом, мы попытались показать, что ритмизация в речи И. Бродского является фасцинативным воздействующим приемом;? осуществляется на фонетическом, просодическом и доминантно

на лексико-семантическом уровнях языка. В сочетании с особым стилем и личностной харизмой ритмизация у И. Бродского является завораживающим, захватывающим и влекущим моментом, обуславливающим внимание к духовно-философскому и нравственно-этическому феномену знаменитой Нобелевской речи.

Литература

1. *Брызгунова, Е.А.* Интонация // Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. I. – С. 96–122.
2. *Гордин, Я.* Дом Бродского / Я. Гордин // Нева. – 1989. – № 2.
3. *Кнорозов, Ю.В.* Собеседование по общей теории сигнализации с Ю.В. Кнорозовым / Ю.В. Кнорозов // Фасцинация. Коммуникация. Общение; под ред. В.М. Соковнина. – Екатеринбург, 2010. – С. 4.
4. *Налимов, В.В.* В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 280 с.
5. *Омельченко, Е.В.* Фасцинативные средства в сократическом диалоге / Е.В. Омельченко // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2012. – С. 80–85.
6. *Потапова, Р.К.* К опыту изучения семантико-синтаксической ритмизации текстов художественной прозы / Р. К. Потапова, С.В. Прокопенко // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 101–114.
7. *Прохватилова, О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О.А. Прохватилова. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999.
8. *Соковнин, В.М.* Фасцинология. Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека / В.М. Соковнин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Владимир Соковнин

ФАСЦИНОГЕНИИ / FASCINOGENIEA*

(к проблеме создания учения о фасциногениях)

Н. Канторович, одним из первых среди психиатров системно проанализировавший психические аномалии пограничной психиатрии (по П. Ганнушкину – 3), сгруппированные в категорию «психогении», дал такое определение психогений: «Это заболевания, основной причиной которых являются психические переживания человека. Эти переживания, травмирующие психику, называют психической травмой» (6, С 5).

Поскольку мир пронизан дуальностью, возникает вопрос, нет ли таких психических аномалий, которые провоцировались бы не психическими травмами, а удовольствиями и наслаждениями? Вопрос этот может показаться ироническим (неужто наслаждение может стать зависимостью или патологией!), однако сразу приходят на ум весьма красноречивые примеры именно такого рода психических аномалий, а то и самых доподлинных поведенческих девиаций.

В аспирантские мои годы в институте философии Академии наук Киргизской ССР работала молодая прелестная лаборантка, жена вполне обеспеченного партийного функционера. И была случайно поймана на мелкой краже – пыталась утянуть из оставленной на столе женской сумочки кошелек. Обладательница сумочки, спохватившись, вернулась и застучала воровку на этой неэтичной процедуре. Поскольку кражи в институте следовали одна за другой на протяжении долгого времени и не были раскрыты ни разу, всем стало яснее ясного, кто воровал. А она была вне подозрений! Классическая, можно сказать, клептоманка. Кража не потому, что была бедна, а по удовольствию. И, надо сказать, что от разоблачения она испытала стыд, как и положено вполне нормальному человеку. И сразу же уволилась «по собственному желанию». В психиатрии давно закрепились точка зрения, что клептоманы испытывают неодолимое влечение к кражам исключительно на основе получаемого рискованного удовольствия. Удовольствие от воровства вполне реальная реакция, как, в частности, фасциногенно закреплена она в психике у воров-карманников. Писатель В. Шаламов, задвинутый на Колыму сталинским режимом, точно за протоколировал признания об этом эков: «Блатари говорят, что испытывают в момент кражи волнение особого рода, ту вибрацию нервов, которая роднит акт кражи с творческим актом, с вдохновением, испытывают своеобразное психологическое состояние нервного волнения и подъема, которое ни с чем нельзя сравнить по своей заманчивости, полноте, глубине и силе.

Говорят, что воруемый живет в этот момент неизмеримо более полной жизнью, чем картежник за зеленым

столом, или, вернее, подушкой – традиционным ломберным столиком блатного мира.

«Лезешь в лепёху, – рассказывает один карманник, – а сердце стучит, стучит... тысячу раз умрешь и воскреснешь, пока вытащишь этот проклятый бумажник, в котором и денег-то, может быть, два рубля».

Бывают кражи вовсе безопасные, но «творческое» волнение, воровское «вдохновенье» все равно налицо. Ощущение риска, азарта, жизни» (18).

Или взять такие достаточно распространенные формы мужского фетишизма, как коллекционирование женских подвязок и трусиков. Или бюстгалтеров. Бывает среди них и несколько более эксцентричное отклонение: предметы обожания они... воруют везде, где только можно украсть. Им надо именно своровать! Соединение фетиша с клептоманией. Так получаемое удовольствие у них многократно усиливается. А вот совсем уж анекдотичный образец, описанный в психиатрической литературе. Мужчина в г. Брэдфорд (в Англии) напал на прохожих и, сорвав с них очки, убежал. Когда его наконец-то изловили, то дома у него обнаружили 50 очков. И выясилась в ходе расследования причина его «разбоя»: очки нужны были ему для сексуального возбуждения, причем именно украденные. Возвратившись домой с добычей, он надевал очки и устраивал жене бурную сексуальную ночь.

Нет нужды доказывать, что 30% ожиревшего населения земного шара не с Луны свалились и не от религиозного аскетизма произошли, а, напротив, от чрезмерного смакования пищи, сопровождаемого перенасыщением. Когда я расстроен, единственное, что меня успокаивает, это еда, – признавался Оскар Уайльд. Пище-вкусовые наслаждения в последние десятилетия усиливаются благодаря изощренности пищевой индустрии и рекламного

* Из книги «Фасциногении», готовящейся к изданию.

зомбирования. И организм человека, как он задан эволюцией, не выдерживает напора услад, защищаясь единственным способом, дарованным той же эволюцией, – откладыванием жира «про запас». Есть экземпляры рода человеческого, поднакопившие по 100 и более лишних килограммов. Есть и такие, что самостоятельно на ноги встать уже не могут. Неужто найдется какой-то теоретик, который скажет «Это нормально! Ему же нравится»? Извините, ему ведь нравится процесс насыщения, но не телесная туша. Тем более, что она не только мешает полноценно двигаться, но может привести и к совсем уж неожиданным травмам. Так, в Бразилии 200-килограммовый влюбленный не рассчитал порыва любвеобилия и нанес травму возлюбленной, крепко придавив ее своими габаритами...

Прогнозы с ожирением неутешительны: через 20 лет людей с увеличенной сверх нормы массой тела в развитых странах составит до 80-90%, а с патологическим ожирением – 30-40%. Это катастрофично во многих отношениях (высокая нагрузка на здравоохранение, экономику, социальное обеспечение по инвалидности, и т. д.) и сигнализирует о явной тенденции к биологическому вырождению человека.

Широко известно такое презабавное отклонение от нормы у мужчин, как половой эксгибиционизм. Так и тянет мужичка обнажить свои интимные прелести перед незнакомыми женщинами, особенно юными созданиями. Полового контакта нет и в помине (самец об этом и не думает!), а приятность наличествует неопишная, особенно если юная особа перепугалась выскочившего из кустов голенького экземпляра противоположного пола. Один депутат в Екатеринбурге обнажался весьма оригинально – появлялся в чем мать родила на балконе, выследив в окно идущих мимо школьниц. Пришлось даже ненадолго его изолировать, как свидетельствуют материалы уголовного дела. Неодолимое влечение и никакой психической травмы, а одно удовольствие.

Казалось бы нет веселее зависимости, продиктованной наслаждениями, чем шопоголизм, при котором женщины – у них эта тяга особенно зашкаливает! – часами готовы ходить по магазинам и покупать, покупать, покупать... Однако, как показал в предновогодние дни декабря 2013 года китаец Tao Hsiao (Интернет разнес эту весть по земному шару), это отклонение не столь уж безобидно. Жена 5 часов таскала его по магазинам, а когда он взмолился и попытался ее образумить, она закатила истерику. В припадке охватившего его аффекта он разбежался и выпрыгнул в лестничный пролет супермаркета с 7-го этажа, разбившись насмерть.

Впавшие в ту или иную улаждающую зависимость, земляне о близких и окружающих мало беспокоятся, они – фанатики-эгоисты, им лишь бы свое удовольствие получить. Алкоголики тому ярчайший пример – только бы до бутылки дорваться и... впасть в блаженство, а там хоть трава не расти.

Однако есть образцы и еще се-

рьезнее.

Сексуальные маньяки впадают в патологическую страсть, приводящую их к убийствам и истязаниям жертв, тоже не из-за «психических переживаний» (хотя психоаналитики и докапываются до каких-нибудь травм в их детском и недетском далёке), а как следствие переживаний иного рода – страстного желания получить невероятное, ни с чем не сравнимое удовольствие. И повторить его, повторить, повторить... Так делал много-много раз маньяк Чикатило, пока не был изловлен. А маньяков-педофилов развелась на планете и вовсе тьма-тьмушая. Папа Римский Франциск даже вынужден был извиниться перед верующими католиками за распоясавшихся епископов-педофилов. В Великобритании инициировано рассмотрение законопроекта о приравнивании педофилов по социальной опасности к... террористам.

Поведенческие аномалии, вызванные удовольствиями, могут быть разные: как вполне безобидные (кража и коллекционирование женских трусиков), так и зверские, заслуживающие пожизненного заключения и смертной казни (сексуальная маниакальность, половой садизм).

Я назвал детерминантой подобного рода аномалий удовольствие, наслаждение и механизм закрепления такого рода аномальных, болезненных и патологических изменений сознания и психологии человека описал в книгах «Фасцинология» и «Фасцинолог». Удовольствия и наслаждения представляют собой заключительный акт нейрофизиологической цепочки, то, что в нейрофизиологии и психофизиологии называют «подкреплением» (11; 22). Сама эта цепочка включает в себя несколько актов и закрепляется в психике столь прочно, что зачастую возврата в норму нет. Именно поэтому я и ввожу категорию «фасциногенности» для обозначения навязчивых пристрастий, заблуждений и патологий, сформированных фасцинацией.

Сам нейрофизиологический и психологический процесс формирования зависимости от разного рода удовольствий можно продемонстрировать на воздействии на человека той же пище-вкусовой фасциации: от стадии созерцания любимого блюда до получения подкрепления «кайфом» после его употребления. Я знаком с 40-летней особой, бывшей в молодости изящного 44-го размера, и

раскормившей себя до 60-го любимыми пирожными, нескончаемыми тортками и шоколадками. Помочь ей избавиться от лишнего веса с трудом, но все же удалось изобретенной мной технологией светского аскетизма. Теперь она в физической форме 48-го размера и наслаждается уже не тортками (за все надо платить!), а талией, юной подвижностью и соответствующими удовольствиями. Со смехом она и позволила мне (не называя ее имени) показать fascиногенный процесс на ее примере – на любимых тортках (см. схему).

Процесс формирования зависимости и fascиногении, образно говоря, идет по спирали: в самом начале осуществляется проба некоего предмета или услуги (императрица Елизавета Петровна безумно полюбила, чтобы ей щекопали ступни), затем, если понравилось, возникает приятное удивление, за которым следует повторение пробы, удовольствие усиливается и закрепляется следующими повторениями и, наконец, может сформироваться состояние, которое эквивалентно выражению «Без этого я уже не могу жить!» Так говорят себе все, кто достиг уровня fascиногенной зависимости: сладкоежки, как моя любительница тортков, курильщики, алкоголики, шопоголики, фетишисты, и так далее – вплоть до наркоманов всех мастей (ведь в наркоманию человека загоняют «пробы» и

подкрепления блаженством!).

Когда желание перерастает в потребность, а потом переходит в пристрастие, и начинает формироваться fascиногения.

КАЙФ, или БЛАЖЕНСТВО

В глубинных механизмах формирования чарующе-успокаивающих пристрастий и зависимостей вплоть до образования fascиногений, во всю fascиногенную силу и повелительность обнаруживает себя то, что нашло отражение в сленговом словце «кайф», а в культурной семантике скреплено термином «блаженство». В этом и заключен корень всех без исключения пристрастий и зависимостей.

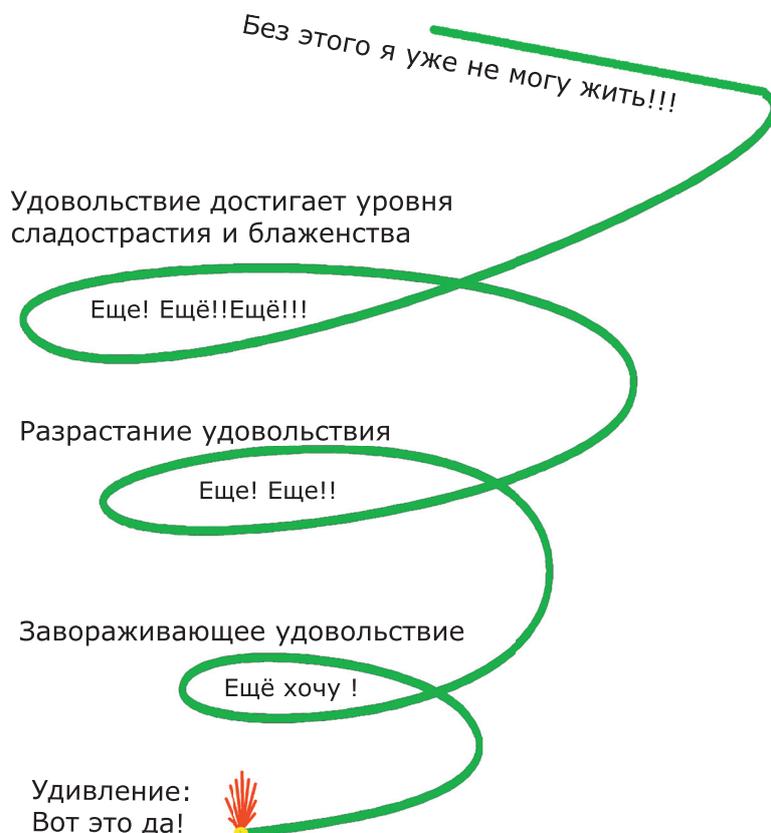
Я мог бы стать наркоманом и осознал это в 70-летнем возрасте совершенно неожиданно.

Как всегда на январских каникулах приехала ко мне повидаться любимая моя дочурка Дашенька. Пять дней счастья пролетели. Вечером, накануне возвращения домой она вдруг прижалась ко мне и заплакала: «Папочка, я не хочу от тебя уезжать, возьми меня к себе». Я как мог ее утешал, она горько-горько плакала. Я был ошеломлен и готов был сам запла-

кать. Увидев наворачившиеся мои слезы, Дашенька перестала плакать. И сказала: «Папа, не плачь, я же буду всегда приезжать к тебе». Она, как и я, сознавала, что желание ее неосуществимо. Каждый год приезжает она в январе и в июле. В июле нам особенно хорошо: лето и сразу два дня рождения: 12-го – день создания fascинологии, а 19-го – ее день рождения.

Утром я отвез ее на автовокзал, где ее ждала бабушка, чтобы увезти домой, в городок, в 4-х часах на автобусе от Екатеринбурга, где она живет с матерью. Вернувшись домой, я буквально провалился в никогда не испытываемое состояние опустошенности и тоски. Все бывало в жизни, и кризисы, и горе, но такого отчаяния и тоски – никогда. Заварил чай и вдруг вспомнил про коньяк – бутылка стояла полгода не распечатанная. Что-то толкнуло открыть ее. Я налил граммов 30 в маленькую рюмочку и выпил скорее машинально, с мыслью «может полегчает». И не только сняло стресс, а нежданно-негаданно охватила меня теплая волна расслабленности, и за ней разлилось такое умиротворенно-сладкое состояние, что я не притронувшись к чаю, лег. И в этом состоянии какого-то нежного райского блаженства, растворившего всю горечь, я постепенно погрузился в сон.

Схема усиления/разрастания fascинации до образования зависимостей и fascиногений

Первое молниеносное впечатление от чарующего объекта (ароматического, тактильного, вкусового, визуального, акустического, химического, сексуального, коммуникативного, наркотического)

© В. Соковнин

А когда проснулся часа через два, стал другим. Во мне поднималась радость, прилив сил, бодрость. Душа словно напевала: «Как хорошо, что у тебя такая умная дочурка и она тебя любит!» 30 граммов хорошего коньяка подарили мне спасительное блаженство. Но я знал, что спешить с повторением не стоит, хотя очень хотелось еще раз испытать. Какой-то внутренний запрет сработал и когда я через три дня с некоторым трепетом налил 30 граммов и выпил в ожидании повторения, ничего не произошло. Чуточку опьянение – и только-то. И никогда больше не повторилось. Но если бы повторилось, я, не раздумывая, прилип бы к коньяку. Возможно и покупал бы только эту марку. Так, можно сказать экспериментально, я осознал неодолимость действия стимуляторов, если только они вызывают состояние блаженства, да еще в трудные минуты жизни. Мне стало понятно роковое пристрастие наркоманов.

Вот описание блаженства от наркотика, которое оставил поэт Теофил Готье: «... вдруг, внезапно красная вспышка пронзила мои веки, бесчисленные свечи взорвали темноту и я погрузился в теплый, чистый жар. Я точно знаю, что находился в том же месте, но оно казалось таким, каким бывает набросок по сравнению с картиной: все было больше, богаче, более пышно... я чувствовал себя счастливым. Я больше не чувствовал своего тела; причинные связи и дух были сильны; с помощью совершенной силы я поместил себя в неустойчивое состояние.

Так, мне представилось движение душ в райском мире, куда мы все должны отправиться после смерти. Голубоватая дымка, свет Ильзиана, отблески лазурного грота формировали атмосферу в помещении, где я смутно видел трепещущие, непонятные очертания; атмосфера была одновременно и жаркой и прохладной, влажной и сухой, она окутывала меня подобно сладкому желе. Когда я попытался двинуться прочь, ласкающий воздух создал тысячи роскошных волн вокруг меня; восхитительное томление пронизало мои чувства и отбросило меня назад на софу, где я «прилип» и

расслабился подобно сброшенной одежде.

Тогда я понял степень совершенства удовольствия, испытываемого духами и ангелами, парящими в эфире и на небесах, и как хороша вечность в раю».

Многие зависимые, говоря о получаемом от пристрастия удовольствии, обозначают его именно как «райское блаженство».

Свое блаженство от героина наркоман из Сан-Франциско описывает так: «... это самый сладкий наркотик из всех... Когда пускаешь по вене, чувствуешь приход, близкий к оргазму... Потом плывешь в облаках около четырех часов, ничего реального. Это похоже на полусон, как смотришь фильм. Ничего тебя не волнует, ты спокоен, тебе тепло. ...Тебе не нужен секс, еда, люди, не о чем беспокоится. Это похоже на временную смерть, жизнь без боли».

А вот как изобразил блаженство от первого же в его жизни затяжного прыжка с парашютом молодой парень-экстремал: «Когда меня впервые затащили на аэродром, я даже не предполагал, что, единожды прыгнув с парашютом, потом уже не смогу без этого жить... Я забыл, кто я, где нахожусь, как меня зовут и вообще все на свете. Возможно, я вопил от счастья, ибо то, что я увидел и испытал, потрясло меня до глубины души. Вокруг было невероятно синее небо. Такое синее, какого никогда – никогда!!! – не увидишь с земли, а внизу кучковались белые уютные комья облаков... Ощущения стремительного падения не было. Мне казалось, что я лежу на упругой воздушной подушке, я растопырил руки и ноги и полностью отключился от действительности, захваченный невероятным ощущением. Думать я положительно ни о чем не мог – все мысли сводились к отрывистым «Вау!!! Как здорово! Супер!!! Класс!!!» Я не знал, куда смотреть, на небо вокруг или на приближающиеся облака, и впервые в жизни жалел, что у меня нет глаз на затылке: мне казалось, что я сейчас плюхнусь

в эти облака, как в самую мягкую на свете вату, и даже прикрыл глаза, настолько реальным это казалось. Но я никуда не плюхнулся, а продолжал лететь, и ощущение свободного полета лишило меня последнего рассудка. Таким сумасшедше счастливым я не чувствовал себя никогда в жизни. Я вообще никогда не чувствовал ничего подобного. ...Кто прыгал, тот меня поймет, кто не прыгал – тот много потерял». Так он стал фанатом экстремального парашютизма.

А что может быть возвышеннее творческого блаженства с его одержи-

мой захваченностью! «Над вымыслом слезами обольюсь», – говорил Пушкин. Лев Толстой ждал, когда придет чарующая «энергия заблуждения» (19) – так он назвал вдохновение и замороженное погружение в художественный вымысел.

Думаю, мощнейшим стимулятором формирования любого улаждающего пристрастия является состояние кайфа, райского блаженства (15; 21). И с момента открытия в 1953 году Дж. Олдзом и П. Милнером в мозге крысы центров подкрепления и наказания (удовольствия/неудовольствия) это состояние нашло свое нейрофизиологическое обоснование в этих мозговых структурах человека (11). Именно в центр удовольствия как в некий Рай организм посылает все ощущения и чувствования, от нежных касаний кожи до творческого восторга, вызвавшие вброс нейромедиаторов удовольствия и радости (прежде всего: допамина, эндорфинов, глутамата, серотонина, адреналина/норадреналина, окситоцина) и там происходит некая, до сих пор не разгаданная их биохимическая комбинаторика-обработка, результатом которой и является состояние райского блаженства, неги, всегда индивидуально-конкретизированное, уникальное, не передаваемое словами (вербальные описания – всего лишь более или менее приблизительные охудожественные слепки) и всегда сладостно волнующее и призывающее к повторению. А повторение – путь к закреплению блаженства в зависимость. Так, в общем и целом, и формируются, по всей очевидности, фасциногении, будь то страсть коллекционирования жуков или сексуальная перверсия.

Гнетущее переживание от исчезновения из жизни блаженства, к которому психика и весь организм привыкли, – вот истинный критерий фасциногенной зависимости. В определенной степени такое состояние сигнализирует о дистрессе, что почти аналогично «ломке» наркомана. Человеку становится неуютно, психологически дискомфортно, навязчиво минорно. Подобное давно подмечено в психиатрии и психотерапии, где критерием зависимости принято считать появление у человека стойкого синдрома лишения. То, от чего человек зависим, становится недоступным по каким-либо причинам (дефицит, запрет и т. п.) и расставание с предметом пристрастия вызывает:

- навязчивую обеспокоенность: что чего-то не хватает
- ощущение пустоты
- тревожное чувство себя «не в своей тарелке»
- дискомфорт, неудовлетворенность чем-либо
- апатию, безразличие, отстраненность
- подавленность, грусть, печаль, тоску
- раздражительность, злость, вспышки гнева
- тревогу, неуверенность, страхи
- чувство вины, обиды на кого-либо
- вялость, снижение работоспособности
- страдание, невыносимые душевные муки ...

Все перечисленное в полном комплекте или в комбинациях и говорит: «Ты попал в плен зависимости!»

Близкая к этому картина, чаще всего в смягченном

виде, наблюдается и при расставании с фасциногенным увлечением и пристрастием. Но бывает и круче. Попробуйте лишить живописца инструментов его творческой деятельности и мастерства. С ума сойдет. Стало аксиомой, что у подростков увлечение Интернетом и кибериграми часто переходит в зависимость (2). Запреты на киберигры и выход в интернетсети для подростков, то есть лишение их блаженства устрашающей фасцинацией* угроз, потому и приводит даже к такому выходу из захватившего их раннюю психику дистресса как суицид.

Какое именно блаженство и в какой интенсивности испытывает в своей жизни каждый конкретный человек, зависит от множества факторов (от генетических до этно-социальных), главное – оно непременно будет испытываться, так как все люди эволюционно наделены нейрофизиологической и гормональной системой удовольствия и блаженства.

Фасциногенное блаженство – самое дорогое на свете для человека удовольствие и с ним нужно обращаться очень осторожно и бережно...

ДОПОЛНЕНИЕ К ФРЕЙДУ: ФАСЦИНАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК СЕКСУАЛЬНЫХ ПЕРВЕРСИЙ

3. Фрейд не мог не отметить впечатывающегося в память ребенка воздействия особо ярких, шокирующих, впечатлительных сигналов и ситуаций сексуального характера и влияния их на формирование индивидуальных особенностей сексуального поведения.

Освоение жизни через богатство сладких ощущений у человека приобретает опасность формирования разного рода искаженных зависимостей, в первую очередь вкусовых и сексуальных. Вкусовые ведут к ожирению, сексуальные – к формированию разного рода перверсий, в частности сексуального фетишизма в громадном многообразии его форм (сексопатологи насчитывают более тысячи форм сексфетишизма). Это происходит в силу достаточно легкого у человека образования сладостно-фасцинативных ассоциативных связей и закрепления их в эмоциональной памяти. И самые опасные для перерастания в аддикции – первые оргазмические удовольствия, протекающие как потрясение, сладостный обжигающий шок. К. Ясперс отметил: «Извращения возникают в связи с первыми переживаниями; их удовлетворение сохраняет связь с однажды пережитыми формой и объектом» (20, С 541).

Всем известны и понятны чарующая оглушительность первого поцелуя и первых тактильных ласк. Но эти ощущения могут быть испытаны в самых неожиданных сочетаниях с другими ощущениями и сигналами-образами, как это и происходит часто в самом раннем возрасте. «Опасности предварительного наслаждения» – так З. Фрейд назвал одну из глав своих «Очерков по психологии сексуальности», отметив «повышенную цепкость или способность к фиксации ранних впечатлений сексуальной жизни, которыми необходимо дополнить у будущих невротиков и у перверзных фактические данные, потому что такие же преждевременные сексуальные проявления не могут у других лиц запечатлеться так глубоко, чтобы навязчиво тре-

* о воздействии устрашающей фасцикации см. выше в статье «Экспансия. Фасцинация. Фасцинофикация»

бовать повторения и преудакзать сексуальному влечению его пути на всю жизнь. Объяснение этой цепкости кроется отчасти, может быть, в другом психическом моменте, от которого мы не можем отказаться для объяснения причин неврозов, а именно в перевесе в душевной жизни значения воспоминаний в сравнении со свежими впечатлениями». Очень симптоматично высказанное при этом признание Фрейда: «Значение всех ранних сексуальных проявлений увеличивается благодаря **психическому фактору неизвестного происхождения** (выделено мной. – В. С.), который пока можно изобразить, разумеется, только временно, как психологический феномен» (17).

Эту «цепкость фактора неизвестного происхождения» теперь можно, как мне думается, назвать – это сексуальная фасцинация. Первые сладостные сексуальные ощущения обладают шокирующей новизной и запоминаемостью, а значит, и повышенной фасцинацией.

Приведу несколько клинических описаний перверсий из классического труда Рихарда фон Крафт-Эбинга «Половая психопатия» (8), сформированных первыми сексуальными впечатлениями и иллюстрирующих их несомненно фасциногенный источник.

И. Г., 26 лет, явился в 1883 г. с жалобой на сильную неврастению и ипохондрию. Однажды он был случайным свидетелем того, как служанка его матери, во время мытья окон, разбила стекло и сильно порезала себе руку. В то время как он помогал ей остановить кровотечение, его охватило неудержимое желание высосать вытекшую из раны кровь; он удовлетворил это желание, причем испытал сильнейшее эротическое возбуждение, дошедшее до полного оргазма и семяизвержения. С этого времени он стал всячески искать случая доставить себе возможность созерцания, а то и вкусового ощущения вытекающей свежей женской крови, предпочитительно крови молодых девушек. Он не останавливался ни перед какими жертвами, ни перед какими денежными затратами, лишь бы добиться своей цели. Вначале к его услугам была названная молодая горничная, которая, согласно его желанию, позволяла наносить себе уколы в палец иглой и даже ланцетом. Мать, однако, узнала об этом и отказала служанке. Тогда он обратился к продажным женщинам, долженствовавшим заменить ему молодую девушку, что, правда не без большого труда, удавалось довольно часто. Нервное страдание заставляло его посетить многие курорты... Он пользовался водолечением, лечением электричеством и укрепляющей терапией, но без особенного успеха. Стоило больному выйти из-под врачебного надзора, и он снова становился жертвой своей старой страсти и не щадил ни труда, ни денег, чтобы удовлетворить половую похоть указанным ненормальным способом.

Ц., 28 лет, с невропатической наследственностью, невропатической конституции, утверждает, что уже на 11-м году имел поллюцию. В это время он был высечен матерью, сечение в тот момент причинило только боль, но впоследствии в воспоминании оно сочеталось с сладострастным ощущением. Под влиянием последнего чувства он все чаще воспроизводил этот факт в своей памяти и при этом сам себе наносил удары по ягодицам. Около 13 лет он почувствовал склонность к изящному дамскому башмачку с высоким подъемом. Помещая такой башмачок меж бедер, он достигал извержения семени. Посте-

пенно для этой цели ему достаточно было одной мысли об этом. К мысли о башмачке вскоре присоединилось еще мазохистское представление, дававшее ему значительно большее удовлетворение. Он представлял себе, что лежит у ног красивой молодой дамы и что она топчет его своими прелестными башмачками. При этом представлении у него возникало извержение семени.

Другой пациент свидетельствует, что, когда ему было 10 лет, развратная воспитательница, крепко прижав его к своему телу, заставила ввести палец себе во влагалище. Поднеся случайно после этого палец к носу, он ощутил запах, доставивший ему большое удовольствие. Под влиянием безнравственного проступка, на который его склонила эта женщина, у него стали появляться окрашенные сладострастным ощущением представления, будто бы он, закованный, зажатый между бедрами женщины, должен был спать под ее ягодицами и пить ее мочу. На 19-м году он отказался окончательно от надежды побороть свое половое извращение. Когда однажды женщина помочилась ему в рот, он испытал самое большое наслаждение. После того он совершил половой акт с этой женщиной. С этого времени с удивительной периодичностью через каждые 4 недели он испытывал неудержимое влечение повторить описанную ситуацию (8).

А вот пример из признаний читательниц «СПИД-ИНФО»: «Несколько лет назад моя бывшая подруга пристрастила меня, тогда 16-летнюю, к занятию, которое, как я теперь понимаю, называется мастурбацией. Сидели поздно вечером у меня дома, и она предложила мне «показать», а я согласилась «попробовать». Прошло четыре года, я уже вступала в интимные отношения с ребятами, но это занятие бросить не могу – оргазм получаю только так».

Широко распространено в среде педофилов растение девочек через угощение конфетами (сладенького так хочется!) с переходом к тактильным ласкам. Быть может, значительно большее количество женщин имеет в своей биографии опыт именно такого «нежно-ласкающего» растления, чем сексуального насилия (а сексуальному насилию, по социологическим данным, подвергается до 60% женщин). Если о насилии многие из них умалчивают, то о таком приятном, хотя и несколько пугающем, опыте тем более. На легкость растления малолетних и формирование сексуальных перверсий и указывал З. Фрейд, связывая это с оглушающим действием первых сексуально окрашенных или сладостно-сексуальных удовольствий. Герой В. Набокова Гумберт в «Лолите» обречен на сексуальное пристрастие к девочкам-подросткам, так как еще в детстве испытал безумную страсть к двенадцатилетней девочке, создавшую в его «сексуальном мозге» через посредство сексуального фантазирования доминанту на «нимфетку». Лолита и стала ею.

Опасность фасцинации, как я уже отметил выше, заключается в том, что любое яркое, волнующее удовлетворение базовых потребностей организма мгновенно связывается в стойкую замкнутую цепочку «потребность – удовлетворение – удовольствие – сигнал». В этой цепочке сигналом может стать и вид предмета удовлетворения (нейрофизиолог К. Прибрам отметил, что макакам по ходу эксперимента не надо каким-то способом втолковывать, что такое арахис, они узнают его по скорлупе сразу после первой же очаровавшей их вкусовой пробы (22)),

и сопутствующие удовольствию явления (звуки, запахи, образ ситуации, эмоциональное состояние страха и т. п.). Фасцинирующий сигнал – это дурманящий, гипнотизирующий, магнетизирующий, оглушающий сигнал.

Таким образом, можно сделать заключение, что тот «цепкий психический фактор неизвестного происхождения», о котором говорил З. Фрейд при анализе истоков сексуальных перверсий, есть не что иное, как мощная наслаждающе-шокирующая фасцинация, формирующая психофизиологическую доминанту, пробивающая и отбрасывающая прочь все нравственные и психологические преграды и создающая цепкие зависимости, часто неодолимые на всю жизнь. Такова сила услаждающей фасциации.

Фасцинация в детские и юношеские годы самая цепкая, но и самая опасная, легко уводящая в омут фасциногений.

О РОКОВОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ФАСЦИНОГЕНИИ ПЕДОФИЛОВ

Педофил – изгой рода человеческого, раб извращенной похотливой страсти, растлитель детей, а с точки зрения фасцинологии – жертва роковой фасциации, несчастнейший из смертных, достойный не только презрения, но и жалости и сожаления.

Став педофилом, мужчина (женщины страдают этой зависимостью значительно реже) уже не может ни совладать со своей извращенной тягой к удовлетворению сексуального желания с малолетними, ни избавиться от нее.

Древние римляне любви страшились, называли ее родом безумия, одурманивающей фасциацией. Они приветствовали и всю практикували в отношениях мужчин и женщин фасциацию похоти. Этого, по их общему мнению, вполне достаточно, чтобы предаваться дарованной природой утехам сексуального сладострастия. И в этом они достигли изумительной извращенности. Этакие Казановы древности! А фасциации любви страшились и старались избегать, сопротивляться её колдовским чарам. Когда поэт Овидий начал воспевать романтическую любовь, император Октавиан Август сослал его на окраины Римской империи, где тот в тоске по Риму и умер.

Современные психиатры в большинстве своем характеризуют любовь как вид психологической зависимости. В основе ее лежит неодолимая тяга к сексуальному обладанию особью противоположного пола (у гетероориентированных), сексуальное возбуждение, желание, приобретающее форму доминанты, захваченности, при которой в сторону отбрасывается все, а на острие внимания, интереса, любования, восторга выходит предмет любви, он или она, единственный и неповторимый. Это и есть сексуальная фасцинация, достигающая уровня неодолимой захваченности. Ведь что такое фасцинация как феномен психики и поведения? Это захват психики в воронку восторга, эйфории, экстаза или леденящего страха и шока, перечёркивающий и стирающий в мозге любые иные восприятия. Резкое сужение сознания и даже часто его отключение. Чарующая фасцинация вспыхивает как предвкушение наслаждения.

Педофил – раб чарующей сексуальной фасциации. Эта фасцинация знакома всем людям, она сотворена эволюцией и дана всему живому, разделённому на два пола,

чтобы они неодолимо, с волнением и вожделием, тянулись друг другу, испытывали от контакта удовольствие, причём захватывающее, что обеспечивало бы появление потомства. А иначе – вырождение вида, исчезновение его с карты планеты. Сексуальная фасцинация обеспечивает страстный рынок особей мужского и женского рода друг к другу. У человека эта страсть подкрепляется наслаждением оргазма и жадной его повторения. Люди, в этом отношении те же животные, захваченные сексуальным вожделием, названным Фрейдом «либидо», а в просторечии называемом похотью. Древнеримский поэт Ювенал писал: «Ведь одинакова похоть у высших, как и у низших». Знал прекрасно это и Лев Толстой, создавая «Крейцерову сонату», образы отца Сергия и Евгения Иртенева в «Дьяволе», страдающего от неудержимой похоти к крестьянке Степаниде. Знал он и на себе испытал, сколь безобразна в человеческом исполнении похоть, к каким страшным порой последствиям в жизни она ведет.

Один только вид тела противоположного пола вздергивает внимание, пробуждает волнение, совершает вброс соответствующих сексуальному настрою гормонов, приводит, – мужчину особенно, – в состояние трептливой мобилизации на готовность к уходу и достижению сексуальной цели. Дальнейший сценарий поведения известен: устремленность к волнующей особи, страстные речи, красочное демонстрационное влюбленности, комплименты, подарки, и... жажда обладания. Финал тоже известен: постель, оргазм, брак, дети... Это в норме, в том сценарии, который поощряла и развивала эволюция.

Но любой эволюционный сценарий подвержен отклонениям в силу ли биологических мутаций (отсюда, по-видимому, и гомосексуальность) или социогенных мутаций (самые невероятные сексуальные предпочтения, создаваемые воображением у разных социумов). И одним из отклонений является как раз влечение к сексуальному контакту – причём исключительно ради удовольствия и оргазма! – с малолетними, то, что и получило название педофилии. Педофил одержим волнующей сексуальной фасциацией обладания телом ребенка. Он – сладострастный растлитель детей.

С педофилом происходит то же, что и с любой захватывающей зависимостью, в том числе игровым азартом и химической наркоманией. Основы всех видов зависимости лежат в фасциации. Вот этот фасцинирующий психику процесс: сигнал > возбуждение > влечение > захваченность > удовлетворение страсти > подкрепление её услаждающим удовольствием (оргазмом, наслаждением, восторгом) > закрепление этого подкрепления в центре удовольствия в мозге > образование доминанты на повторение услаждающего цикла > усиление подкрепления и закрепления > итог: ЗАВИСИМОСТЬ! Этот процесс от первой встречи, доставившей сладостное удовольствие, до образования блаженства зависимости, я изобразил в виде схемы спирали (см выше), и в ней для педофила на место «первого впечатления» надо только поставить «первое сексуальное наслаждение от контакта с ребенком».

Спираль возрастания порочной сексуальной тяги захватывает педофила, как только он по какой-то причине потянулся к малолетнему ребёнку, почувствовал сексуальное возбуждение, разогреваемое сильнее еще и тем, что оно осознается как запретное и возникает дополня-

ющая влечение, фaszинация экстремальности; и если все это заканчивается совращением невинного дитя и необыкновенным по силе оргазмом, педофил, можно сказать, «испекся», и дороги назад ему уже нет, поскольку столь шокирующее сладостное потрясение, роковое блаженство, какое он испытал, мгновенно и навсегда закрепляется в лимбической, эмоциональной системе мозга, в первую очередь в центре вожделения, амигдале, и в центре подкрепления удовольствием. Круг замкнулся, в обществе появился педофил-растлитель: осторожный, тонко чувствительный, умелый психолог соблазнения детских душ, пускающий в ход сладости, поглаживания, поощрения, покровительство, хитрости и тому подобные приёмы, наработанные веками педофилии.

Самое страшное для педофила заключается даже не в той опасности разоблачения, которую он по доброй воле на себя взвалил со своим пороком и всегда имеет в виду. Страшнее то, что у него нет иного выхода: фaszинирующая воображение захваченность сексуальным контактом с малолетним достигает у него степени наваждения, она уже никогда не гаснет и имеет тенденцию только усиливаться. И в тюремной камере педофил в воображении разыгрывает сцены растления детей. Поэтому вышедший на свободу педофил остается тем же педофилом, с той же фaszинацией извращенной сексуальной зависимости. Рецидив педофильства огромен – почти 100%. Педофила может вычеркнуть из его фатального сексуального пристрастия только смерть.

Или хирургическая операция по удалению части амигдалы. Но это операция и рискованная, и с непредсказуемыми последствиями, поскольку амигдала и мала (величина ее – с миндалину), и слишком сложна по своей системности и структуре. В этой миндалине целая вселенная, заложенная в неё эволюцией длительностью в миллиард лет! Возможный исход хирургического вмешательства – человек-растение. А кому он нужен такой, хоть он уже и не педофил. Его же кормить надо, за ручку водить, следить, чтобы фекалил там, где положено...

Понимание механизмов воздействия сексуальной фaszинации при формировании сексуальных перверсий, извращений и перехода их на уровень безысходной зависимости, сексуальной наркомании, приводит к выводу, что иного пути для общества нет – обуздание педофилии возможно только насильственным способом.

Удивительно, но некоторые педофилы это понимают и сознают свою безысходность. Самостоятельно они не в силах отторгнуть тягу к сексуальным контактам с малолетними. Более того, если по тем или иным причинам удовлетворение их страсти невозможно (нет соблазняемых и условий), они идут на опасное преступление, на изнасилование ребенка и убийство, чтобы скрыть следы насилия. Именно поэтому появляются педофилы, которые сами просят проинформировать над ними кастрацию. Они сами устанавливают безошибочный и точный психиатрический диагноз самим себе. Впрочем, вероятно не поможет и химическая кастрация, если подтвердится высказанная в последнее время гипотеза о генетической природе педофилии...

СЕТЕВАЯ АФОРИЗМАНИЯ И ДРУГИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ ФАШЦИНОГЕННЫЕ БЛАЖЕНСТВА

С изобретением и стремительным развитием Интер-

нета человечество обрело новый вид общения, погрузилось в него с головой и ... приобрело со всеми его несомненными плюсами также и явные минусы. Об одном из них хотелось бы сказать особо. Связан этот минус, как это ни покажется парадоксальным, со страстным желанием людей выглядеть умными.

Оставляю в стороне фотоманию, шквал фотографий, которыми заполнены все сети. Эта тяга к демонстрированию себя любимого запечатленного в фотографиях не столь опасна. Сконцентрирую внимание на речевом демонстрировании участников сетей.

Создается такое впечатление от многих участников интернет-общения в сетях, что с ними произошло некое зашкаливание на цитировании афоризмов и изречений.

Афоризмы всегда были в ходу, особенно в культурных сферах. В некоторых обществах существовала даже особая рафинированная культура цитирования: полагалось насыщать свои произведения, письма, беседы цитатами из знаменитых романов и афоризмами мудрецов. А в салонах Европы XVIII-XIX веков было модно слыть остроумными, фонтанировать шутками, каламбурами, сочными цитатами. Салонные остроумцы звались пети-метрами и щеголяли друг перед другом веселыми фразами и каламбурами. А поскольку большинство из них были отнюдь не Ларошфуко и Оскары Уайльды, а только Евгении Онегины, учившиеся понемногу чему-нибудь и как-нибудь, то находили выход в заучивании острот, каламбуров и парадоксов из книг. Для них специально и стали издавать сборники афоризмов и изречений.

Этот феномен не своего, а заёмного остроумия буквально захлестнул общение людей с появлением Интернета и его социальных сетей. Вот оно раздолье для заёмного умничанья! Любой невежда и дурень имеет возможность порыскать по сайтам и блогам афоризмов (а их уже сотни и число их множится, есть даже программа-«рыскалка» по выдергиванию нужных цитат на любую тему) и надергать по своему вкусу и интеллектуальному уровню. Колоссальное облегчение для всех заёмных остроумцев и шутников! А поскольку фaszинирует психику то, что созвучно и создает греющие сердце ассоциации, то выдернуть свою фaszинацию стало проще простого. Худо то, что особенно тяготеют к такому согревающему выуживанию из копилки афоризмов великих и знаменитых людей лица с комплексами и проблемами. Скажем, брошенная мужем женщина провалилась в депрессию и невзлюбила род мужской. И тут как тут ей тысяча подсказок великих женщин и звезд, от Клеопатры до Фаины Раневской и Мадонны, особенно феминисток. Раздолье поиздеваться над мужской тупостью, скотоподобием, блудливостью и т. д. Этакая сетевая солидарная месть обижаемых мужчинами (мужьями, начальниками, любовниками) женщин. И то же самое происходит у обижаемых женщинами мужчин-женоненавистников. Что особенно меня поразило, это агрессивная анти-мужской направленности пошлость женщин. Вот не самый пошлый пример: «Мужчины, не загоняйте женщину в угол... Она поплачет, подумает, и... угол будете искать вы!!» Какое остроумие? Война полов!

На фейсбуке, кажется, несколько культурнее (возможно я ошибаюсь), афоризмов тоже хватает, но всё же не столь

пошлых. А есть и замечательные. Но всё, как говорится, в меру. Интересны те участники, которые САМИ мыслят и дарят СВОЕ остроумие. Это fasciniрует как мед или балзам, в отличие от карамелек с повидлом из заезженных цитат, вроде «нельзя войти в одну и ту же реку дважды», будь они хоть от Цицерона, Сократа или Пушкина.

Не прошло это новое явление афоризмообилия от внимания психологов и психиатров, идут разговоры о том, что следует изучать и лечить новую психопатологию – афоризматоз и афоризматиков. Афоризматоз порождена fasciniрующей захваченностью афоризмами, заёмным остроумием. Ну так хочется невежде и глуповатому недочке слыть умным и мудрым. А где их взять, если в слове «еще» делаешь четыре орфографических ошибки и убежден, что Солнце вращается вокруг Земли (как показал недавний социологический опрос центра Левады, более 30% россиян так считает). При этом, как известно, чем человек тупее, тем труднее его расшатать хоть на маленькую самокритичность. Вот он, такой гениальный и самоуверенный, набитый афоризмами как дешевый матрац ватой, и обрушивает на человечество чужие мысли, шутки, парадоксы, изречения, упиваясь тем, что в сетях на них реагируют десятки, сотни, а то и тысячи своими лайками «мне нравится», выдавая в ответ столь же fasciniруемые свои, то есть опять же чужие, афоризмы. Цунами афоризматизма захлестнуло Интернет, стихия неуправляема и порождает хаос разума. Человечество при таком заёмном умничанье только тупеет и впадает в инфантилизм. Нейрофизиологи все более склоняются к выводу, что увлечение сетями ведет к деградации мозга и даже уменьшают его объем.

А где МЕРА в использовании афоризмов? И возможна ли она, помня закон fasciniрующей захваченности психики?

В последнее время появилась новая психологическая зависимость, сводящая с ума подростков и их родителей – зависимость от наслаждения кибериграми. Не столь безобидная, как может показаться. И настолько захватывающая, что все чаще, как я уже сказал выше, при запретах подростки не выдерживают стресса и бросаются в суицид. Каково должно быть удовольствие от игр и сетей, если ребята прощаются с жизнью!

Охват интернетом и сетями идет по-нарастающей и к 2020 году по прогнозам специалистов для 95 % землян Интернет и сети станут неотъемлемым атрибутом жизни. И в дополнение к ставшими уже привычными пристрастиями к кибериграм и многочасовому блужданию по сетям, в самое последнее время стремительно добавились новые, порожденные мобильной связью с ее необозримыми фантастическими возможностями.

Айфоны и смартфоны уже стали атрибутами повседневности до такой степени, что, как сформулировали социологи, опросившие владельцев этих популярных гаджетов, для многих молодых людей смартфон стал необходимее и приятнее... секса. Со смартфонами ложатся спать и по ночам просыпаются не раз, чтобы заглянуть в него. Результаты недавнего опроса, проведенного в Великобритании Durex, показали, что 5% британцев предпочитают не расставаться с собственным смартфоном даже во время секса, а 12% респондентов хоть раз, да отвечали на звонок во время полового акта (из сообщения «Дэлайт новости» на странице <http://delate.info/24586-ne-menee-5->

[britancev-polzuyutsya-facebook-vo-vremya-seksa.html](http://delate.info/24586-ne-menee-5-britancev-polzuyutsya-facebook-vo-vremya-seksa.html)).

Снабжение смартфонов отличными фото-видеокамерами породило повальное увлечение так называемым селфи, аутофотографированием самих себя везде и всюду. Тут же появились пристрастия, доходящие до фанатичной захваченности. И даже с элементами неприличия. Так, часть смартфонной публики увлеклась эксгиби-селфи, выкладывая в сети инстаграм свои обнаженные прелести. Другие выдумали невообразимые розыгрыши-искажения, особенно впечатляющие в виде скотч-селфи. Ну, а большинству важно просто запечатлеть и максимально растиражировать себя-любимых на весь земной шар. До такой степени, что теряется контроль и несколько увлеченных селфи настолько заигрались в аутодемонстрировании, что попали на мушку правоохранительных органов и были избиты как разыскиваемые преступники. Провалившись в fascиногению селфи они забыли обо всем на свете, даже о своей безопасности.

2014 год открыл еще одну невероятную фантастическую страницу в мобильной связи: «умные очки» Google Glass. Теперь, чтобы видеть и фиксировать увиденное, достаточно иметь прикрепленный к надбровью электронный глаз. Более того, к тому, что показалось интересным, с помощью умных очков тут же можно подключить друзей и, насколько я понимаю, нужные организации. В конечном счете Google объединит в Google Glass три функции: дополненную реальность, мобильную связь плюс интернет и видеодневник. Это невероятно расширяет возможности не только мобильной связи, но эффективного использования завораживающей и актуальной визуальной fascинации. Грядет, как не без сарказма, говорят знающие люди, век всеобщей слежки и... фиксированного видеодоносительства. И, конечно же, никогда не исчезающий у человека эволюционный вауэризм получает с умными очками второе дыхание. Вот уж где расцветет новый вид fascиногений! Меня же это изумительное изобретение привлекло тем, что я получаю легкий в использовании мобильный аппарат для фиксации множества коммуникативных нюансов. Мечта fascинолога!

О ФАССИНОГЕНИИ ФАНАТИЗМА

Фанатизм как состояние сознания и форма социального поведения в последнее время становится предметом углубленного исследования социологов, психологов, социальных этологов, антропологов. И это закономерно, поскольку обострение социальной и религиозной конфликтности во всем мире достигает уже катастрофических масштабов и негативный вклад фанатизма в эту экспансию осознается всеми.

Что представляет собой феномен фанатизма с точки зрения fascинологии? Не является ли он экзистенциальным фактором человеческой психики, если иметь в виду такие его качества как доминантную целеустремленность, высокую идейную и коммуникативную энергетику и экспансивность? Во всяком случае для «классиков» политического и религиозного фанатизма это в высшей степени характерно. Б. Данэм так охарактеризовал идейную целеустремленность основателя протестантизма Мартина Лютера: «Лютер был действительно опьянен, но не вином, а тем, что казалось ему велением святого

духа, а в действительности было требованием его совести. Это опьянение у него постепенно усиливалось, вплоть до самой смерти, и оказало влияние на его посмертную славу». И добавляет верное, на мой взгляд, замечание: «Пожалуй, лишь немногие революционные деятели XX века были склонны демонстрировать свою одержимость идеями так открыто, как Лютер, но в той или иной степени она наблюдалась у всех.» (4, С 303-304)

Петер Концен очень точно сформулировал историческое значение фанатиков: «Без фанатизма не произошло ни одного великого события за всю историю» (7). Но сказанное относится к фанатизму особого типа людей – идейных, политических, религиозных, национально-этнических лидеров, наделенных пассионарностью и харизмой. Их влияние на массы огромно и потому П. Концен в своей оценке абсолютно прав.

Однако фанатизм по сути пронизывает поведение людей во всех сферах жизни (см.: 5). Так, обычный человек, попадая под fasciniрующее влияние харизматических фанатиков, сам становится в меньшей или большей степени фанатиком, будучи «отравлен», зомбирован идеями и лозунгами фанатиков-лидеров. Это подтверждается всем ходом истории и особенно проявляется в массовом религиозном фанатизме.

Но и повседневно-бытовой фанатизм, заслуживает особого внимания и исследования, так как слит с повседневностью человеческого существования всех без исключения людей и только на его основе может реализоваться любой другой фанатизм.

Два приятеля в г. Ирбит Свердловской области спорили о том, что лучше, поэзия или проза. Хозяин квартиры, 67-летний пенсионер, увлекался сочинительством и его произведения и статьи неоднократно публиковались в местной газете. А его 52-летний друг любил поэзию. Выясняя, какое из этих направлений более достойно восторга, каждый стоял на своем, дискуссия под воздействием алкоголя переросла в ссору, потом в острый конфликт, закончился который ударом подвернувшегося под руку кухонного ножа, нанесенного поэтом в сердце своему другу-прозаику. Можно сказать, что приятели в процессе спора превратились в фанатиков противоположных точек зрения и уже не могли остановиться в охватившем их фанатичном безумии. Фанатики всегда не только упорны и категоричны в отстаивании своих взглядов, но зачастую и гиперэмоциональны, а это, как известно из криминалистической практики, приводит и к убийствам в состоянии аффекта. Подчеркну эту мысль: эмоционально разогретый *sapiens* регрессирует и превращается в фанатика-потенциального убийцу и садиста даже в бытовых разборках.

Жюль Ренар остроумно съязвил, что самые страстные дискуссии следовало бы заканчивать словами «А кроме того, ведь все мы скоро умрем» (14, С 288). Увы, для фанатиков совет Жюля Ренара не более, чем риторика, выйти из спирали яростного противостояния они не могут и не умеют.

Спрашивается, почему? Ведь люди же, и наделены высшим достижением эволюции – разумом. Все дело... в fascинации. Фанатик превращается в гневное существо, которое захлестнуто устрашающей fascинацией с ее сужением сознания вплоть до отключения его критического потенциала, доминантой упорства и гнева, захваченностью своей идеей и эмоциями, коммуникативно избыточной экспрессией. Все это в сумме и создает состояние эмоциональной регрессии и аффекта яростной страсти, вспышки безумия.

Приведенный выше пример ссоры приятелей – модель человеческого конфликтного поведения. Любого, будь то ссора приятелей, жены с мужем, депутатов парламента цивилизованной страны или правительств государств, подозревающих друг друга в пакостях. Фанатизм имеет в основе своей эволюционно-экспансивную, нацеленную на победу fascиногенную страсть. В этом отношении все люди фанатичны, поднеси только спичку к заложенному в них эволюцией fascиногенному фугасу. Хотя на кухне, хоть на площади. Б. Рассел сто раз прав, что все зло в человеческой истории творится из-за фанатизма и нормальных людей почти нет (12).

К этой взрывоопасной fascиногенной начинке следует добавить еще одну не менее fascиногенно-опасную. Я имею в виду необыкновенную легкость homo sapiens выдумывать самому и присоединяться к выдуманным другими (гуру) так называемым сверхценным идеям, прочно к ним приклеиваться и в этом отношении становиться акцентуальными, по Леонгарду, параноиками. К фанатизму, на мой взгляд, всегда прикрепляется вирус паранойи, а паранойя, в свою очередь, подпитывается фанатизмом. Брат и сестрица в связке человеческого безумия на всех уровнях и во всех человеческих типах от клинических идиотов (а идиоты и глупцы как правило гиперфанатичны) до гениев науки и искусств. Вполне вероятно прав Г. Маркус, назвав сознание человека нелепым клуджем (9), созданным эволюцией для выживания наспех и все еще не вырвавшимся из-под власти древней лимбической системы мозга (все аффекты из нее!) и даже часто катастрофически искажающим ее биогенное функционирование своими «кидотическими» приказами (так террорист-фанатик уверен в своей идее-фикс и приводит в соответствии с ней в деструктивную динамику свою психику и соматику). Один православный теоретик, изучивший азы нейрофизиологии, пришел к выводу, что Дьявол искушает человека и провоцирует его на все грехи и непотребства от чревоугодия и блуда до богохульства... через лимбическую систему. Очень похоже на идею клуджа, только в православной формулировке.

Нейрофизиологи сканировали мозг буддистов в моменты медитации и открыли в нем медитативное блаженство (10). Было бы крайне интересно провести сканирование мозга террориста-смертника: ведь только fascиногенная промывка мозгов (захваченность, сужение сознания и сброс критичности разума, восторженное воображение предстоящего слияния с аллахом, доходящего до блаженства) приводит его к радостно-истерическому переживанию счастья предстоящей добровольной смерти, сопровождаемой убийством «неверных» во имя аллаха (см. подробнее 16).

ФАССИНОГЕНИИ ДВОЙНИКОВ

Очень интересен с точки зрения fascинологии феномен «двойника/двойников»*, прежде всего двойников знаменитостей, «звезд». Двойники знаменитостей провоцируются в fascиногению подражания, часто умышленно или спонтанно играя «под оригинал».

* См.: о бинарности двойников фараонов (Иванов Вяч. Вс. Дуальные структуры в обществах // <http://polit.ru/article/2005/09/06/ivanov/>) и о феномене «зеркальности» двойников (1).

Разительное сходство с оригиналом-знаменитостью, обнаруженная «зеркальность», неизбежно влияет на психику «копии». Представим себе такой сюжет. Подрастает девушка и вдруг кто-то говорит ей с ярко выраженным удивлением: «Да ты же копия Аня Семенович! У тебя даже грудь такая же огнеопасная!» Свершилось, это начало изменения судьбы, а точнее – сама судьба. Во-первых, если девушке сравнение по душе, она начнет пристально изучать свою внешность и соотносить ее с внешностью Анны Семенович (это при теперешнем распространении качественных фотосайтов легко). Убедившись в поразительном сходстве, девушка может выбрать путь его подчеркивания: копировать пластику тела, подгонять под оригинал мимику, и, естественно, свои наряды. Это непременно приведет к тому, что возгласы «Да ты как капля воды Аня Семенович!» будут сыпаться на нее со всех сторон. И главное, что будет происходить теперь с девушкой, это изменение ее психики и поведения. Вплоть до возможной акцентированной легкой паранойи (что случается с двойниками).

Но ведь возможен и другой сюжет. Обнаруженное сходство девушке неприятно и оно ее коробит. Что делать? Понятно, что в первую очередь лучше всего резко изменить свой имидж, стиль, какие-то знаки сходства (перекрасить волосы, изменить макияж и т. д.), чтобы не вызывать ассоциацию копии. А что делать с грудью? Не идти же под нож хирурга для усекования до нулевого размера. Проблема может оказаться весьма серьезной и прежде всего тем, что девушка будет об этом постоянно думать, нервничать, а то и в депрессию провалится.

Те изменения психики, которые происходят у двойников знаменитостей, еще почти не исследованы, а они крайне интересны для понимания аутогенных (изменения во внутреннем мире «копии») и социогенных (общение, легенды и мифы, отношения) факторов двойничества. Во всяком случае можно с уверенностью констатировать явное наличие фасциногенных процессов в сумме этих факторов-детерминант, особенно у тех «копий», которым сходство доставляет удовольствие, разжигаемое окружением.

На феномене двойничества сформировалась в последние десятилетия особая индустрия, подстегивающая изменение психики «копий» до фасциногенных (нарциссизма, паранойяльных тенденций, шоу-игры). Индустрия включает не только пластических хирургов, но также имиджмейкеров, стилистов, психологов, и, что особенно важно, создание фирм, специализирующиеся на поиске, шлифовке, показе и демонстрационном внедрении двойников. Существуют уже целые «фабрики двойников», которые организуют конкурсы двойников, участие их в совместных шоу со своими знаменитыми оригиналами. Двойника знаменитости можно приглашать в качестве «свадебного генерала», для веселости пикника, для щекотания нервов. В США функционирует около ста компаний, предлагающих услуги двойников. За весьма достойную плату в гости может приехать Элвис Пресли или Мэрилин Монро, выступить Джордж Буш или Фидель Кастро. Подобные выступления больше напоминают веселые розыгрыши и американцы, обожающие всевозможные пародии, готовы платить тысячи долларов, лишь бы к ним наведались звезды (то есть их точные копии).

Так, некий Грэхем Картрайт стал лучшим двойником

легендарного Роберта Де Ниро. Его еще в середине 70-х годов случайно встретил на улице голливудский продюсер Георг Дойл. «Сначала я не поверил своим глазам, когда увидел Роберта в грязном строительном костюме, стоящего возле машины с цементом, – вспоминает Дойл. – В то время он уже успел сняться во второй части «Крестного отца» и был довольно популярен. Изумленный, я вышел из машины и, только столкнувшись с ним лицом к лицу, понял, что ошибался». Дойл пригласил Картрайта работать в Голливуд. И бывший чернорабочий с незаконченным школьным образованием стал набирать стремительную популярность, участвуя в развлекательных шоу. Даже «реальный» Де Ниро, давая как-то интервью журналу *Premiere*, заметил: «Когда Картрайт находится рядом, временами мне начинает казаться, что именно я его двойник, а не он мой».

А вот как описывает свою включенность в индустрию двойников одна из «копий», очень похожая на... Монику Левински и относящаяся к своему сходству с иронией: «В настоящий момент я сотрудничаю с двумя агентствами двойников. Моя фотография имеется и в их каталогах, и на Интернет-страницах. То есть, на меня можно, так сказать, «сделать заказ», через агентство разумеется. Затем агентство показывает мне список заказов – при этом несерьезные предложения отфильтровываются сразу. Я не люблю выступать на частных вечеринках. Мне больше по душе «официальные» выступления – на рекламных презентациях, открытиях магазинов и тому подобное. Бывает, что фирмы устраивают на своих презентациях так называемый «уголок знаменитостей». Это самое милое дело: сидишь себе там целый вечер, ешь и пьешь за счет фирмы, общаешься с другими «знаменитостями». Иногда кто-то хочет с вами сфотографироваться, – ну, время от времени приходится, правда, отвечать на какие-то глупые вопросы. И больше в сущности ничего...» (см. 13)

Двойничество заполняет сознание и жизнь двойника, у некоторых происходит то, что называют «измененное сознание», но с поправкой – не психоделически измененное, а только через подражание и зеркальную идентификацию. Создается некий вариант игры-судьбы. Есть двойники, которые заняты коррекцией и шлифовкой своего образа-сходства, неплохо на нем зарабатывают и превращают в свой образ жизни. Как 17-летний Виталий Шорников из Нижнего Новгорода, влюбленный в Майкла Джексона и подражающий ему. В интервью (<http://m.progorodnn.ru/news/view/81599>) он сказал об этом так: «Я увлекаюсь творчеством Майкла Джексона с 10 лет. А как профессиональный двойник живу уже 2 года. Когда первый раз оделся, как Майкл, точно уже не помню. Сейчас постоянно в образе, то есть этот образ и есть я... Мой образ очень сильно повлиял на мою жизнь, я часто стал появляться в телевизионных передачах, в газетах, начал выступать за границей... У меня много поклонниц и фанатов, всем моим знакомым девушкам очень нравится мой образ, хотя в школе раньше все это воспринимали несерьезно... сейчас уже все привыкли и даже гордятся тем, что у них есть друг Майкл Джексон». Как видим – абсолютная фасциногенность!

Кому-то повезло в жизни родиться копией знаменитости и он пожинает плоды сходства. Но кому-то не повезло, а стать похожим на кумира страстно хочется. Что ж, возможности современной пластической хирургии

столь впечатляюще, что такая устремленность получила шанс воплотиться из мечты в реальность. И какую же степень одержимости жаждой стать чьим-то двойником надо иметь, чтобы лечь под нож хирурга! Двойник Софии Ротару 23-летний парень Дионис Кельм превратил себя в двойника звезды с помощью пластических операций. Дионис работает в ночных клубах, где выступая в образе Ротару, подражая ее голосу и внешности, берет за концерт 1000 долларов. Потратившись на услуги пластических хирургов и став двойником звезды, парень сделал прибыльное вложение в свою внешность, приносящее ему к тому же еще и удовольствие. Фасциногенный образ жизни!

Наконец, как и любой популярный и модный товар, двойник может стать... мошенником, выдавая себя за «звезду». Этим особенно промышляют в эстрадном шоу-бизнесе. Так, по Италии нелегально гастролировала двойник-группа Queen с двойником Фредди Меркьюри. Она дала 500 концертов, пока не была разоблачена.

О КЛАССИФИКАЦИИ ФАСЦИНОГЕНИЙ

Точной классификации зависимостей не существует. Во всяком случае их значительно больше тысячи и постоянно добавляются новые. Поскольку фасциногении выделены мной в особый самостоятельный класс зависимостей, то об их подробной и адекватной классификации пока говорить тем более рано. Тем не менее я предпринял такую попытку и представляю ее в книге «ФАСЦИНОГЕНИИ», которую готовлю к печати и намечаю опубликовать в этом году.

Способность человека выдумывать и фантазировать безгранична и открывающиеся техногенные возможности (тот же Google Glass!) уже дают простор для формирования все новых и новых фасциногенных пристрастий. Именно такие пристрастия, на мой взгляд, выходят в XXI веке на первый план, захватывая в свой чарующий и одурманивающий плен все большее число землян.

Исследование механизмов формирования фасциногенный поможет, как мне представляется, не только глубже проникнуть в понимание такого рода увлечений, пристрастий и отклонений в человеческом поведении, но и найти более действенные способы их профилактики и коррекции.

Но... нужна ли, скажем, какая-то коррекция 57-летнему немцу Гарри Сперлу (Harry Sperl), которого прозвали Гамбургерным Гарри за фанатичное увлечение вот уже на протяжении 23 лет фаст-фудами, собравшему огромную коллекцию всего, что связано с этим бутербродом. В коллекции есть значки, фигурки, плакаты, мобильный телефон в виде гамбургера, подносы, часы, ластики, солонки, перечницы и т. д. – 1200 всевозможных фаст-фуд-экспонатов, и он намерен построить даже музей в форме... гамбургера. Он счастлив в своем увлечении!

Веселые и эпатажные, брутальные и экстравагантные, трикстерские фасциногении... Все, кого посетила и застряла в мозге трикстерская фасциногения, живут в известном смысле в раю, обретая и оберегая свое блаженство. Вот только бы оно не отражалось негативно на близких.

Но бывают фасциногении не менее оригинальные, однако веселыми их трудно назвать.

Писатель Джеймс Джойс упивался наслаждением от метеоризма жены: «Мне кажется, что Нора может пукать

в любом месте ... Её девичий шум не таков, как влажный ветренный метеоризм, который, по моему мнению, характерен для жирных женщин. Он внезапно сухой и грязный, как нечто, что может сделать молодая девушка... ночью. Я надеюсь, что Нора будет без конца пукать мне в лицо, чтобы я мог чувствовать этот запах». Какова фасциногения?

Был одержим особым творческим пристрастием гениальный Ч. Диккенс. «Какая-то незримая сила влечет меня в морг», – однажды признался он. Речь шла о парижском морге, где на протяжении XIX века на всеобщее обозрение выставлялись неопознанные тела. Диккенс мог проводить там целые дни напролет, захваченный видом трупов утонувших бродяг и прочих никем не востребованных останков. Чувство, которое овладевало им в те моменты, писатель называл «притягательностью отвратительного».

А в какой разряд фасциногенной поглощенности поместить этих гениальных интеллектуальных маньяков-хакеров с их блаженством «взламывания» сайтов, сеющим панику в электронном мире планеты?

И как очаровательны японские отшельники-хихикомори!

Или синглтоны – все увеличивающиеся масштабы затворничества и одиночного образа жизни жителей мегаполисов. У них свое особое блаженство.

Мир фасциногенный необозрим...

Литература

1. Брудный А.А., Демильханова А.М. Феномен двойника и «стадия зеркала». // Историческая психология и социология истории. Том 2, № 2 / 2009
2. Войскунский, А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета. // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1.
3. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий. Их статика, динамика, систематика. – М. 1933.
4. Данем Б. Герон и еретики. Политическая история западной мысли. – М.: Прогресс, 1967.
5. Залевский Г. В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Ч. 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 49-52.
6. Канторович Н. В. Психогении. – Ташкент: Изд-во «Медицина» Узбекской ССР. 1967.
7. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления. – Харьков. Гуманитарный центр. 2011
8. Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия. – М.: Республика. 1996.
9. Маркус Г. Несовершенный человек. Случайность эволюции мозга и ее последствия. – ООО «Альпина нон-фикшн», 2011.
10. Мингьюр Йонге Ринпоче. Будда, мозг и нейрофизиология счастья. Как изменить жизнь к лучшему. – М.: «Открытый мир», 2010.
11. Олдз Дж. Выявление подкрепляющих систем головного мозга методом самораздражения. // Механизмы целого мозга. Природа электрических явлений в коре головного мозга. Сб. статей. Перевод с англ. – М.: Изд-во ин. лит., 1963.
12. Рассел Б. Фанатизм и терпимость. *Интервью 1959 г.* // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rassel/Fan_Terp.php
13. Рахманова, Анастасия. Двойники. // постоянная ссылка <http://dw.de/p/23mq>
14. Ренар Жюль. Дневник. – М.: Худ. лит-ра, 1965.
15. Соковнин В. М. Фасцинология. Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. – Екатеринбург. Изд-во Ур. ун-та, 2005.
16. Соковнин В.М. Общение интердиктивное и фасциногенное. – Екатеринбург: АФА. 2011 (электронный вариант): <http://www.koob.ru/sokovnin/>
17. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. – М.: МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1989.
18. Шаламов В. Жульническая кровь. – М.: ЭКСМО, 2011.
19. Шкловский Б. Энергия заблуждения. – М.: Сов. писатель, 1981.
20. Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997.
21. Блум, Пол. Наука удовольствия: почему мы любим то, что любим. – М.: АСТ: CORPUS, 2014.
22. Прибрам К. Языки мозга. – М.: Прогресс, 1975.

Из романа: **Рим Фиктор. ЧЕБАЧОК К ПИВУ.**
История одной мести

Часть десятая

**УЧЁНЫЙ АРБЕЛИН И
ПОЛКОВНИК ФСБ ГАРГАЛИН**

Через неделю Ляушин принёс Гаргалину ещё одну неожиданную новость: хромоножка с тощим поваром ездили в Тагду на молокозавод. После их посещения директор молокозавода запустил новое мороженое под названием «Пингвинчик», которое стремительно горожанами раскупается. Рецепт, как он разузнал, дали директору хромоножка с поварёнком.

– Привези мороженого десять штук, проведём экспертизу. – приказал Гаргалин.

Сюжет приобретал новые нюансы.

«Всё, встречу с Арбелиным надо провести не откладывая», – решил Гаргалин.

Он набрал номер телефона Арбелина, представился:

– Гаргалин Станислав Анатольевич, сотрудник ФСБ. Юлиан Юрьевич, мне передали Ваш проект для анализа и заключения. Проект очень интересный. Хотелось бы с Вами встретиться, побеседовать. Не могли бы Вы заглянуть к нам?

Арбелин этого приглашения ждал. Понял, что фээсбэшная карусель закрутилась.

– Когда и во сколько?

– Сможете завтра в одиннадцать ноль-ноль?

– Завтра в одиннадцать ноль-ноль буду у Вас.

Арбелин был точен.

Сухощавый, порывистый, горбатый он поразила Гаргалина энергетикой и стремительностью, с которой прошел от входа к столу, пока он поднимался из-за стола ему навстречу. Зоркие пронзительные глаза были не стариковскими, какого-то странного ярко карего с фиолетовым отливом цвета, и не содержали даже намека на какую бы то ни было аномалию, чего с надеждой ждал Гаргалин. Адекватные были глаза. И Гаргалин понял – непростой будет разговор.

Обменялись формальными фразами и Арбелин взял инициативу в свои руки, спросил, смеясь:

– Надеюсь, наш разговор не будет допросом?

– Как Вы могли подумать! – деланно-вежливо

возмутился Гаргалин, уколотый репликой Арбелина. – Ваше предложение серьезное, а я, простите, в том, что Вы предлагаете, совершеннейший профан. Фасцинация, я и слова-то такого не слыхивал.

Гаргалин к разговору подготовился, разыграл в воображении варианты. Главной задачей поставил выведать, кто ещё знает о фасцинетике и нет ли у Арбелина мыслей связаться с Западом. Последнее, случись оно, вносило бы в разбирательство ненужную суету, а возможно и шумиху. Только этого не хватало.

Арбелин был психологом и знал, что говорить надо на опережение. Пошутил:

– Не напугал своими записками? Не показались ли они Вам ещё одним прожектёрством на тему спасения Отечества?

– Помилуйте, Юлиан Юрьевич, наша организация не привыкла пугаться. – Гаргалин усмехнулся. – Это нас обычно боятся. А спасителей хватает, это Вы точно заметили.

– Вот, вот! – подхватил Арбелин. – Я потому и спрашиваю. Я ведь тоже по линии спасения. От террористов и экстремистов.

– Мне бы понять, что такое фасцинация и какое отношение она имеет к террору.

– Скажем мягче – к экстремизму. – попробовал снизить планку Арбелин. – К тоталитарным потенциалам людей. К массовой психопатии. К массовому зомбированию, как сейчас принято выражаться. А я называю это фасцинофикацией.

– Созвучно с электрофикацией. – вставил, шутя, Гаргалин. – Коммунизм – это советская власть плюс электрофикация всей страны. Так?

– И очень верно, кстати сказать. Без электрофикации вышел бы у Ленина со Сталиным вообще один пшик. А фасцинофикация – это сведение с ума, некая массовая шизофренизация населения.

Обо всем этом у Арбелина было написано в обращении и Гаргалин мог бы это усвоить, но Арбелин решил усилить формулировки. Устная беседа к этому располагала, позволяла делать акценты и уточнения.

И начал внушение со смешной истории.

– Я Вам, Станислав Анатольевич, презабавную байку расскажу. Вроде анекдота, хотя это исторический факт. Мне очевидец рассказал, он как раз в те годы служил пограничником на границе с Китаем. Это когда у нас с Китаем конфликт случился из-за острова Даманского. Помните такое?

– Помню. – подтвердил Гаргалин.

– Река в том месте не очень широкая, с берега на берег всё отлично просматривается. Китайские солдаты утром бегут к берегу, поворачиваются к нашей стороне задом, снимают штаны, садятся и хором опорожняются. Юмор такой придумали. Представляете, две сотни гавриков зад нам показывают. Унижают. И вот кто-то из наших сообразил, как с этим унижением сладить. Нарисовали огромный портрет Мао Цзедуна, и как только китайцы утром скинули штаны, подняли Мао. С китайцами чуть ли не паралич случился. Некоторые попадали прямо в своё дерьмо. Быстренько все оделись и смотались, как ветром сдуло. И ни единого бойца больше на берег по нужде не появлялось.

Гаргалину история понравилась, рассмеялся и размяк:

– Знай наших! Но я не совсем понял, где же в этой истории фасцинация?

– Как где? А Мао? Он же для китайцев святой, как Мухаммед или Иисус Христос. Не может же православный голую задницу иконе богородицы показывать, верно? Так и китаец Мао Цзедуну. В миг окультурились.

– Значит иконы и портреты вождей – это фасцинация? – спросил Гаргалин.

– Разумеется. Это сигналы, знаки, символы фасцинации. Для того и создаются, чтобы очаровывать, вселять восторг и уважение. Плачут люди от умиления. А издевательства над этими святынями вызывают ненависть и вражду.

– Но Вы же, Юлиан Юрьевич, предлагаете сражаться с террористами. Им хоть что покажи – взорвут.

Арбелин терпеливо начал разъяснять суть своего проекта.

– Вот смертницы. Вы, Станислав Анатольевич, в своей организации изучили, откуда и из чего появляются женщины-террористки, с готовностью опоясывающие себя поясами джахидок? Ведь смерть, конец земного существования.

– Откуда, откуда. Да от религиозного фанатизма! – сердито пробурчал Гаргалин азбучную истину.

Для Арбелина азбучной истиной это не было, потому он спросил:

– Отлично. Ну, а этот самый фанатизм до степени готовности и даже страстного желания умереть откуда?

Гаргалин и вовсе осерчал, хотел ошпарить ученого фразой «от верблюда», но сдержался.

– Корни. Ислам, агрессия к иноверцам. Воспитание...

– Ну, а у японских камикадзе? Они же не мусульмане. А на самолетах авианосцы американские взрывали. Тоже воспитание?

– Тоже. Самураи.

– А согласитесь, если бы найти такой инструмент, чтобы в мозгах этот фанатизм снижать до несмертного уровня, до некоего только щекотания, было бы легче человечеству?

Гаргалин несколько насторожился неожиданному повороту мысли.

– Как же его снизишь, если зашкалило.

– Вот-вот, хорошее Вы определение нашли – зашкалило. Значит надо такой инструмент применить, чтобы не зашкаливало. Пусть себе матюгается среди единоверцев, только не обматывает себя взрывчаткой.

– И Вы знаете такой инструмент? – язвительно усмехнулся Гаргалин.

– Прошу меня извинить, я спросил, есть ли у ФСБ такой инструмент?

– В ФСБ пока нету.

– А раз нету, надо же искать!

– И Вы его нашли?

– Я предлагаю гипотезу, как найти. Я предлагаю действовать, а не размышлять. Этого разве мало?

– Это мечты. Нам нужны конкретные результаты.

Арбелин понял, что натолкнулся на стену – им подавай готовенькое. Все же попытался стукнуться лбом о стену еще раз.

– Исследовательская лаборатория – это и есть поиск результата. Не с неба же результат упадет! Гитлер с Геббельсом нашли же способ фасцинировать нацию. Ведь что придумал и реализовал Гитлер? Надо внимательно, а не наскоком, прочитать «Майн кампф», там все чёрным по белому расписано. Кстати сказать, знаете как Гитлер себя называл в «Майн кампф»?

– Не читал и не знаю. – буркнул Гаргалин.

– Он назвал себя социальным инженером. И действительно, всё то страшное, что связано с его именем, он сконструировал тщательнейшим образом именно как инженер, подгоняя все шестеренки и винтики. Он ведь даже символику сам выдумал, цветовые сочетания ввёл в оборот, которые абсолютно фасцинативны: красное, чёрное, белое. А самое главное, сконструировал идеологию. Поставил точную цель – спасение фатерланда от коммунизма и коммунистов. Как этого достигнуть

в стране, где половина населения ротфронту и левым социалистам симпатизирует? Надо выместить из мозгов эту чарующую дурь равенства и братства. Убеждать и разъяснять? Чёрта с два. Гитлер понял, что разговор с нацией – это не дискуссионный клуб интеллектуалов с высшим образованием, информация суха и бледна, она не способна вытеснить то, что застряло и нравится. Есть только один путь – вытеснить чем-то более чарующим. Лучшее – враг хорошего. Это закон фасцинации. На этом мир живёт и движется. Но чем вытеснить? И он додумался: тем же, что уже сидит в мозгах немцев, – коммунизмом! Только его надо перелицевать, как портные перелицовывали раньше износившееся, но родное пальто. И добавить чарующе-возвышающих фишек, туманящих разум. Так появился обновлённый социализм с приставкой «национал», подкреплённый возвеличиванием немца как лучшего образца рода человеческого. Униженным Версальским договором немцам очень понравилось быть арийцами и презирать всех неарийцев. Вот вам и лучшее! А как это всобачить в мозги? Опять фасцинацией. Гитлер этого слова и феномена не знал. Но он понял и провозгласил как принцип действия и девиз: с немцами надо изъясняться не языком логики, а языком чувств. Как с женщиной. Даже для интеллигенции язык логики не годится, а про народ и говорить нечего. Массовый обыватель, в меру невежественный и значит туповатый, любит, как женщина, красочную силу и комплименты. Сила внушает страх, а для слабого страх – ключ к покорному обожанию. И штурмовики стали бить коммунистов везде и всюду: на митингах, в уличных драках, из подворотни. Такую установку им дал Гитлер: бить, бить и так бить, чтобы всегда побеждать! А чтобы и вовсе показать силу, начали по всей Германии маршировать под музыку. Очень эффектно получалось. Мать Альберта Шпеера, гениального министра вооружений при Гитлере, призналась сыну, что когда увидела стройные бравые колонны марширующих нацистов, сказала себе «Эти наведут порядок» и тут же записалась в партию Гитлера. Вся Германия смотрела эти спектакли маршей и шествий. И умилялась. Вот она мощь массовой фасцинации. Результат известен – на выборах нацисты победили, народ добровольно, без насилия и черного пиара отдал руль управления страной нацистам и Гитлеру. Дальше уже технология фасцинофикации заработала как по маслу. Талантливая Рифеншталь создала гениальный фильм «Триумф воли», после которого немцы тысячами поперли в партию нацистов. И никаких тебе убеждений и логической

эквивалистики. Бытует миф, что Сталин Рифеншталь приглашал поработать. Язык чувств самый мощный фасцинофикатор. Гениальный, злодейский, но и успешный эксперимент проделали Гитлер с Геббельсом.

– Правильно ли я понимаю, Юлиан Юрьевич, что современные пиарщики в чём-то сродни Геббельсу? Они же манипулируют сознанием людей.

– Очень верное сравнение. Те, что занимают так называемым «чёрным пиаром», особенно в политике, могли бы запросто стать сотрудниками в ведомстве Геббельса. Наглядный пример Вам приведу. В одной книжице под авторством таких вот пиарщиков, чёрным по белому выложены совершенно дикие рекомендации о том, как расшатывать нервы у соперников и вставлять им палки в колёса на выборах. Можно, к примеру, купить на рынке бычьей крови и разлить её у входа в квартиру или дом соперника. Или послать в его штаб девицу с диском, будто на нём очень важная информация. Если олухи вставят диск любопытствовать, что на нём, то вирусы выведут компьютер из строя. И это только, можно сказать, ёрнические рекомендации. Можно себе представить, что они проделывают в реальности. Меня на Севере в Ноябрьске чуть на тот свет не отправили, башку в подъезде расколотили.

– Давно? Нашли кто?

– Было это десять лет назад. Ясное дело не нашли. Да и не искали, заказчиком был мэр города.

– Мэр?! Вы уверены?

– На сто процентов! Больше некому, он был главным соперником на выборах и жаждал выиграть. А пиарщики у него были из Москвы, ушлые ребята, без тормозов. Но не будем отвлекаться, Станислав Анатольевич от нашей темы. Геббельс Геббельсом, но мощь фасцинирующей пропаганды понял и наш соотечественник, эмигрант Сергей Чахотин, яростный противник нацизма. В Германии его прозвали «красным Геббельсом». Он организовал на выборах противодействие нацистам по сходной технологии, и там, где он приводил её в действие, немецкий ротфронт побеждал. Но сил ему не хватило, не было финансов и организации, как у фашистов. Кстати, книга Чахотина была у всех европейских лидеров настольной, особенно у де Голля. А у нас её даже не перевели. Но в КГБ она наверняка была. Не знаете?

– Первый раз слышу. Наведу справки. А почему не перевели, если она против Гитлера?

– Потому что Чахотин показал технологии оболванивания народных масс и у фашистов, и у коммунистов. Гитлер многое переписал у Ленина

и Троцкого.

– Понятно.

– Но её и теперь не переводят.

– Значит Ваш проект лаборатории что-то вроде чахотинского?

– Дальше чахотинского. Но с использованием его находок. И не только его. Человечество за тысячи лет напридумывало столько хитроумных способов массового обловливания, что срочно нужна академия для их изучения. И какая-то исследовательская структура в ФСБ. Вот мы с Вами говорим о террористах-смертниках, а знаете ли Вы, профессионал государственной безопасности, как готовили ещё в далёком одиннадцатом веке смертников-ассасинов?

Это был вопрос, что называется, на засыпку. Гаргалин растерялся, ибо не знал. Не стал увиливать, признался:

– Не знаю, Юлиан Юрьевич, просветите. Кто такие ассасины?

– Я-то предполагал, что внутри вашего учреждения есть что-то вроде учебного курса истории терроризма. Жил в одиннадцатом веке такой разбойник, подстать Геббельсу, Хассан Ибн Сабах, предводитель исмаилитов-низаритов, основатель ордена ассасинов. Он, как истинный социальный инженер, а точнее, асоциальный, создал прекрасно работающую школу смертников, которые осуществляли по всему миру заказные убийства противников ислама и еретиков. Этот злодей придумал довольно простую, но чрезвычайно эффективную технологию подготовки воинов-смертников, федаинов. Он назвал свой дом «храмом первой ступени на пути в Рай». Кандидата в федаины приводили в этот «храм» и накачивали опиатами. Погруженно-го в глубокий наркотический сон его переносили затем в искусственно созданный «райский сад», где его уже ожидали девы, реки вина, чарующая музыка и обильное угощение. Окружая растерянного юношу ласками, девы нашептывали будущему смертнику, что он сможет сюда вернуться, как только убьёт неверных и погибнет. Спустя несколько часов ему опять давали наркотик и, после того как он вновь засыпал, уносили из «Рая». Проснувшись, будущий смертник искренне верил в то, что побывал в настоящем раю. Теперь все его мечты и помыслы были подчинены единственному желанию – вновь оказаться в «райском саду», среди прекрасных дев и угощений. Для бедняков федаинов всё это было недостижимой роскошью и пределом мечтаний. И ассасины не только не боялись смерти, но страстно её желали, чтобы попасть к ногам аллаха и в рай. Вот вам и технология

вербовки и технической подготовки. А это только крупица из сонма приёмов и методов террористической фасцинофикации.

– Мда, техника изуверская.

– Так она в видоизменённом и ещё более изощрённом виде и сейчас применяется для подготовки смертников джихада! А федаины не исчезли, они и сейчас есть в арабском мире, в том же Иране. Об этом можно даже в Интернете почитать.

– Интересно рассказываете Юлиан Юрьевич, увлекательно. У меня возник смешной вопросик, можно задам? Абстрактный вопросик.

– Спрашивайте, спрашивайте, Станислав Анатольевич. Бывает именно смешные и абстрактные вопросы-то и бывают самые важные.

– Вот Вы говорили о фасцинофикации, которой Гитлер с Геббельсом Германию свели с ума. А можно свести с ума, скажем, отдельно взятый населённый пункт?

Коротким, как выстрел, взглядом Арбелин пронзительно глянул в глаза Гаргалина и без задержки отпарировал:

– Непременно!

– Вы так в этом уверены?

– Если однажды было это реализовано человеком, пусть и разбойником, с целой нацией, стало быть возможно повторить и с любой группой людей в любой точке земного шара. Скажу Вам, Станислав Анатольевич по секрету, вид гомо сапиенс, к которому мы с вами принадлежим, имеет одно прескверное свойство, в первобытные времена выдернувшее его из животных и превратившее в человека. Тогда оно было прекрасным и позволило нашим предкам выжить. Это свойство – гипертрушность, чарующая стадность. Стоит только на нужные клавиши нажать, и гомо сапиенс превращается в радостно или яростно орущую толпу, готовую смести перед собой что и кого угодно. Человек вроде бы разумный превращается в обезумевшего стадного быка. Так что свести с ума его как дважды два четыре. Сводят же с ума невежественных людей тоталитарные секты. До такого умопомрачения доводят, что те совершают коллективные самоубийства. По тысяче человек сразу. А реклама сейчас что с людьми проделывает! В лохотронную пирамиду МММ десятки тысяч ринулись за иллюзией дармового обогащения. Исключительно по принципам фасцинофикации завлекал и сводил их с ума Мавроди. – Арбелин на мгновение смолк. И вдруг двусмысленно хмыкнул: – Если позволено будет, отчего же не свести с ума.

Попав под фасцинацию шуточной игры, сам

того толком не сознавая, Гаргалин ляпнул сгорача:

– Будь моя власть, не раздумывая разрешил бы Вам. Ужасно интересно было бы посмотреть, удался бы Вам такой эксперимент или нет.

– Так и разрешите. – сказал Арбелин, зная, что и без всякого разрешения теперь сможет проделать подобный эксперимент, имея таких помощников, как Денис и Альфа с отцом.

– Если бы быть уверенным, что не произойдёт ничего опасного. А то получится как в Германии.

Всё это звучало довольно весело, однако Арбелин отреагировал со всей серьёзностью.

– Обидные слова говорите, Станислав Анатольевич. Если бы я был паранойяльным злодеем, разве ж послал бы предложение в ФСБ. Намерения мои чисты и безвредны. Напротив, они полезны.

– Ладно, пошутили и хватит. – отступил Гаргалин. – Но вот вопрос не смешной. Где гарантия того, что всё сказанное и предложенное Вами – истина?

– Но давайте рассуждать по-другому. Предположите на секунду, что это и есть истина. Что тогда следует?

– Ну-у... Надо не допустить опасного психотропного воздействия.

– Вот-вот! Только не психотропного, а фасцинотропного. И надо как-то ему противодействовать, поставить щит перед деструктивной фасцинацией. Сможем поставить – смертников не будет. Неоткуда будет их брать, невозможно будет зомбировать. А коль среды для набора смертников и вообще террористов не будет, они как явление исчезнут. Разве для такого благого дела не нужна научная база и создание технологий раззомбирования и профилактики фасцинотропики?

Чёрт подери, в чем в чём, а в логике этому горбуну не откажешь. Остаётся узнать, истина ли то, о чём он с такой пылкостью глаголет, или чушь крокодилья.

Гаргалин ощутил неприятное посасывание в груди. Ему не хотелось, чтобы это было истиной. Ему очень захотелось, чтобы это было заблуждением.

Арбелин уловив некоторое начавшееся шатание в мозгах Гаргалина, решил включить другую технику беседы – вопросную. Знал, знал он великую магическую силу вопроса. Тот первобытный предок, у которого в башке возник вопрос, почему солнце всходит и заходит, и стал первым на планете учёным, исследователем. Вопрос побуждает к ответу. Задавать провокационные вопросы Арбелин умел.

– Станислав Анатольевич, как Вы полагаете, что общего между террористом-смертником и хроническим педофилом?

По глазам увидел Арбелин, что парадоксальность вопроса полковника крайне удивила – причём тут педофил? Но вопрос был услышан и Гаргалин лихорадочно искал ответ.

– Ну Вы и вопросыки задаёте, Юлиан Юрьевич! Террорист и педофил...эээ... оба преступники. – облегчённо выдохнул он ответ.

– Это с юридической точки зрения. А с психологической?

Гаргалин потёр переносицу. Раз вступил в игру, надо продолжать, а ответ не выплёскивается.

– Может то, что оба целеустремлённые.

– Ай, как хорошо Вы сказали! Конечно! Но отчего же они такие?

Гаргалин удовлетворённый, что ответ почти угадал, снисходительно отдал Арбелину вожжи:

– Подскажите, я ведь не психолог.

– Всё дело в том, Станислав Анатольевич, что у того и другого в мозге образовалась нерасторжимая и неумолимая спайка между мотивом и подкрепляющим его наслаждением, доходящим до экстаза. Террорист верит, что попадёт в рай прямо к ногам аллаха, он сладостно об этом мечтает, а педофил, однажды испробовав волнующее наслаждение от обладания непорочным детским телом и испытав при этом наисладчайшее сексуальное наслаждение, точно так же получает в своей нейропсихике впечатывание желанного поведения и уже не может отказаться от повторения. И террорист, и педофил фатально заиклены на услаждающей фасцинации. И потому неизлечимы. Педофила может выдернуть из педофилии только смерть или кастрация.

Гаргалин слушал внимательно и почти понял суть, потому что отреагировал довольно убедительно:

– Выходит и террориста можно выдернуть из райских фантазий кастрацией? А что у него кастрировать?

– Очень хорошо сформулировали. – Арбелин рассмеялся. – К сожалению, у террориста надо удалять часть мозга, точнее – часть крошечной амигдалы и ещё кое-что. Сложнейшая операция, человек превращается в равнодушное пресмыкающееся.

– И ради бога!

– Так проще и дешевле электрический стул или пожизненное заключение! Операция дороже.

– У меня вопрос в связи с этим. Выходит, все зависимости являются такими же впечатываниями в мозге?

– Правильно поняли, Станислав Анатольевич. Я знал одного филателиста, в КГБ, кстати говоря, служил, следовательно, был членом КПСС. Знаете какая у него была зависимость? Никогда не уга-

даете, она уникальна. Он заимел раритетную почтовую марку третьего рейха с изображением Гитлера. И носил её в самом укромном и безопасном месте – в партбилете. Вот она сила фасцинации!

Гаргалин ошарашено смотрел на Арбелина, розовея.

– В партбилете?!

– Именно.

– Верится с трудом. Откуда узнали?

– Его соседка рассказала. Прелестнейшая девушка... я с ней очень тесно дружил в те времена... Филателисты славятся хвастовством, вот он не удержался и показал ей марку. А достал её из партбилета. Неосторожный был товарищ.

– Растяпа. – проворчал Гаргалин. – Могла же донести.

– Нет, не донесла бы. Очень хорошая девушка, он это знал. Видите, что вытворяет с человеком фасцинация, дай ей только волю. Порой до дикости доводит. Женатый и имеющий детей мужик ловит и насилует девочек и мальчиков. И вытворяет с ними жуткие непотребства. Маньяки, Чикатилы. Верится с трудом, а юридический и медицинский факт. Стержень их вывиха – закрепившаяся в мозгу сексуальная фасцинация в извращённом виде. Так что в борьбе с экстремизмом надо бить по фасцинации, ставить ей барьеры. – ловко переключил Арбелин ход беседы на главную тему.

– Всё, что Вы рассказали, Юлиан Юрьевич, очень интересно. – как можно мягче заговорил Гаргалин, переходя к исполнению своего главного замысла, который застрял в его сером веществе как фасцинация. – Но кто кроме Вас обо всём этом знает?

«Вот оно! – воскликнул про себя Арбелин – Экспертиза им нужна».

– Вы имеете в виду, кто мог бы дать экспертное заключение на мои предложения? – спросил он холодным тоном.

Он понимал: перед ним обычный среднего ума и способностей чиновник, а у чиновника одна психология – как бы закончить дело ничем.

– Пожалуй и так. Есть, кто мог бы дать заключение? – Гаргалин отвел взгляд в сторону и про себя поморщился.

– Вам заключение какое нужно?

Гаргалин несколько растерялся:

– Обыкновенное, как полагается, то есть точное и объективное.

– Вообще говоря, объективных заключений не бывает. Все они субъективные и зависят от интеллектуального уровня и психологии экспертов. Гениальный физик Резерфорд о гениальном открытии Эйнштейна сделал глупейшее экспертное

заключение, что это чушь собачья.

Арбелин обворожительно улыбнулся, посмотрев прямо в уставшие от интеллектуального перенапряжения глаза Гаргалина.

Реплика Арбелина Гаргалина обескуражила. Такого понимания экспертизы он никогда не предполагал.

Арбелин продолжил:

– Заключение Вам необходимо о сути дела или формальное? Как полагается при отписках.

Он не сдержался, чтобы не уколоть чиновника, но и не корил себя, так как знал уже, что ему можно ждать только отписку – Гаргалин так ничего и не понял до конца, остался на верхушках.

Гаргалина же ироничные реплики Арбелина обидели:

– Почему же непременно отписка?

Арбелина занесло:

– Ну хотя бы потому, что Вы чиновник, а чиновнику положено отписывать гражданам на письма и предложения. По закону. В течение месяца. А если дело сложное, то хоть и в полгода. Так ведь?

– Да, всё зависит от серьезности вопроса. Потому я и встретился с Вами. А Вы про отписку... обижаете. Разобраться надо. Значит, нужны серьезные эксперты, профессионалы.

– Да нету экспертов, нет их! Вот в чем загвоздка.

– Арбелин мягко улыбнулся. – Если бы были...

– Но так не бывает. – удивленно взметнул глаза Гаргалин. – Всегда есть специалисты.

– А здесь тот случай, когда их нет. Был один. Юрий Кнорозов. Он и открыл фасцинацию. Но он, к сожалению, уже в другом измерении. С 1999 года.

– И что, кроме него никого нет? – не сдавался Гаргалин.

– Ну, те, кто может понять, о чём речь, конечно есть. Когда Эйнштейн опубликовал свою статью об относительности пространства, на земном шаре было все же пять человек, которые его поняли. Правда, даже великий физик Макс Планк не до конца въехал. Специалисты по социальной психологии, нейрофизиологии, практической психологии в стране есть, и неплохие, но дать заключение они не смогут, ведь фасцинетика для них совершенно новое знание. Пospорить могут, возразить, подискутировать, поёрничать. Но не более того. Экспертиза предполагает обоснованное, со знанием глубин, заключение. А им ещё надо освоить новизну, которая им неизвестна. Так что нет пока экспертов. Представь-те, что требуется дать заключение экспертов на теорию эволюции Дарвина в момент её опубликования. Кто смог бы? Некому, только сам Дарвин. Так и с фасцинетикой. Только

один единственный пока эксперт есть – это я.

Попахивало манией. Гаргалину такой поворот не нравился. Без экспертизы никак нельзя было обойтись, а экспертов, видите ли, нету. Кроме этого горбуна.

– А вот, предположим кандидаты и доктора наук, Кисельчук, Цукерман, Миринков, Гарфункель, Матвеев, Скоробургатский, Франц? Разве не смогут они оценить?

– Оценить может даже продавец арбузов. – довольно резко отпарировал Арбелин, услышав перечисление лиц, незатейливый уровень которых прекрасно знал.

– Они ведь не продавцы арбузов, а кандидаты и доктора наук. – чуть ли не интонациями пиетета проинёс Гаргалин, уважающий экспертов.

Арбелин понял, что разговор заходит в тупик. Конфликт же ему не был нужен даже при отписке. В конце концов, он знал, на что шёл, когда послал свое предложение в Москву, на девяносто процентов предполагая отшвыривание. Жизнь на этом не кончается. Есть земной шар. Первая попытка закончится неудачей, но он обязан был её предпринять, иначе жил бы с беспокойной совестью. Но конфликта не надо. Чиновник на то и чиновник, чтобы при обиде мстить и пакостить.

– Да, профессионалы, доктора и всё прочее. Попробуйте, может и скажут что-нибудь путное. Я не ведаю, что им придёт в голову. – примирительно забубнил он. – Пригласите.

– Но Вы-то их не считаете на уровне экспертов? Я правильно понял?

– Абсолютно! Я всех их знаю. Кое-кого, кто помоложе, учил уму-разуму. Им ещё надо осваивать начала фасцинетики. Вряд ли то, что Вы от них получите, можно назвать экспертным заключением. Даже если они всем коллективом подпишутся. Вы бы еще доктора психологии Асмоляна из Москвы пригласили. Он с вашей организацией давненько сотрудничает. Вот он о фасцинации наверняка слышал. В МГУ её немножко знают. Но он же полуидиот.

– Как Вы назвали? Асмоляна? – переспросил Гаргалин, взяв ручку, чтобы записать.

– Асмоляна Лев Цилиандрович. Психолог.

Гаргалин записал.

– Вы, Юлиан Юрьевич, извините великодушно, но я действительно обязан организовать экспертизу. Не могу же я в Москву свое личное умозаключение отправить. Кто я такой, чтобы на ученые вопросы отвечать? Моя задача организовать экспертизу.

– И проверку. – добавил Арбелин. – Вы ведь в ФСБ, а не в Академии Наук.

– Ну какую проверку?! – засмеялся Гаргалин. – Зачем Вас проверять? Вы всё сказали, всё предложили.

– Так ведь может я американский шпион. – в тон Гаргалину пошутил Арбелин.

– Эти времена миновали. Теперь только экспертиза.

– И ладно. Только если честно – никакой экспертизы не надо. Лабораторию надо открывать, работать. Безо всяких экспертиз. Они только запутают всё. Даже чекист Дзержинский это понимал и без всяких экспертиз в 1924 году создал при ВЧК лабораторию по изучению нейроэнергетики и телепатии. Засекреченную. А страна была в разрухе.

Гаргалин обрадовался возможности вставить провокационный вопросец:

– Запад интерес к Вашему сайту не проявляет?

– А кто его знает. Он же на русском. – отпарировал Арбелин.

– О, это сейчас не преграда, Вы же понимаете.

– Так ведь и там экспертов нет. Нет их на земном шарике пока. – успокоил Арбелин. – Но Вы правы, могут и разобраться, что к чему.

– Есть там коллеги? Не посылали им ничего?

– Коллеги есть, сайт мой читают. Восторгаются. Но они не из разведки.

Намёк на шпионаж Гаргалина кольнул и насторожил, но он не подал виду. Арбелин же не стал подливать масла в огонь, пошутил:

– В России с фасцинацией бы разобраться. А там как звёзды покажут. Наука ведь дело интернациональное. Иногда лет десять молчок, а потом такой бум начинается по всему шару, не остановишь. Так было и с теорией относительности, и с психоанализом. У фасцинетики пока что инкубационный период. Накопление энергии. Я, кажется, немного поспешил со своим предложением, Вы уж, Станислав Анатольевич, извините меня. Беспокойства Вам доставил.

Примирительность слов и интонаций Арбелина Гаргалину пришлись по душе, разраставшаяся было антипатия поутихла.

– Я рад, что мы друг друга поняли. – встал он из-за стола. – Значит Вы не против, если я позволю Вам об экспертизе?

Арбелин чуть не выпалил «рад, что мы не поняли друг друга», но сдержался:

– Конечно звоните. Хотя заключение мне уже известно.

– Вот как?! А вдруг Вы ошибаетесь?

– Был бы рад ошибиться. Очень любопытно было бы проследить ход рассуждений названных Вами лиц.

Он-то знал, что придумать они смогут только

галиматью. Нет специалиста по фасцинетике, а психологи, политологи, пиарщики и информатчики такое нагородят, что свихнёшься. Многие из них даже слова «фасцинация» не слыхивали. И он понял, что проект его уже по сути похоронен.

И тут произошло то, о чём Гаргалин потом жалел, да было поздно. Беседуя с Арбелиным, он всё время думал, а что если отпустить вожжи и дать возможность этому фанатику проделать эксперимент с городом. Ведь не Гитлер же он в самом деле, вон с каким пылом жаждет найти способы противодействия терроризму, значит мыслит не вредно, значит эксперимент проведёт по принципу «не навреди». И вдруг да получится у него. Это же будет лучше всякой экспертизы, как факт, подлежащий осмыслению. И тогда можно будет ему, полковнику Гаргалину, писать в Москву о поддержке инициативы уральского гения-кулибина. И это ему будет хорошим плюсом в карьере. А параллельно, как и полагается, он организует экспертизу, чтобы отчитаться и отписаться. Два зайца будет у него в руках, если эксперимент даст результат.

– Я вот о чём подумал, Юлиан Юрьевич. – сказал он. – Очень Вы убедительны. Что если мы с вами примем негласное соглашение. Вы же работаете, как эскулап, по принципу «не навреди», правильно я понимаю?

– Именно так и никак иначе. – подтвердил Арбелин, ещё не улавливая, куда Гаргалин клонит.

– Вот и занимайтесь своими экспериментами. Как Вы себе представляете фасцинофикацию, скажем, населения Бурга?

До Арбелина дошло, оказывается полковник не такой уж тюфяк, соображает, что успех эксперимента – лучшая экспертиза.

– Ещё толком не знаю. Ну, предположим, превращу горожан в весёлых плясунов дня на два. Годится такое для подтверждения фасцинофикации?

– Вполне. Это же безопасно, пусть себе весело попляшут. Живём ведь скучновато, из кризисов не выползаем. Вот и продолжайте. Вдруг да получится. Я первым буду аплодировать. Но всё время буду следить, чтобы Вас не потащило куда-то в опасном

направлении. Мало ли какие ошибки не бывают. Вы ведь от них не застрахованы, верно? От весёлых плясок до плясок безумцев ведь один шаг.

– Не ошибается тот, кто на печке бока греет.

– Значит работайте, Москва подождёт, а я буду отслеживать. Это моя работа. Согласны?

Арбелин такому повороту был поражён. Как непредсказуемы люди! Кто бы мог ожидать от серого чиновника, да ещё в ФСБ, такой дерзости. И как его дерзость толкова, чёрт подери. Он же сразу двух зайцев убивает: и точное заключение получает, и когнитивный диссонанс со своей совестью снимает. Хотя риск тоже имеется. Вдруг в итоге я преподнесу нечто выходящее за пределы прогнозируемого.

– Не только согласен, но и восхищён Вами. Это неожиданно.

– Ну, не такие уж мы здесь динозавры. – польщённо улыбнулся Гаргалин. – Только о нашем соглашении никому, естественно.

– Могли бы этого и не говорить.

– А экспертизу я всё-таки организую. Самому любопытно, что учёный люд скажет о Вашем изобретении.

– Ваша воля, Станислав Анатольевич. Да Вам и положено так, понимаю. Только нагородят такого, что сам дьявол рехнётся и святым быть захочет. Вот увидите.

Он уходил от Гаргалина со странным ощущением удовлетворённости и тревожности.

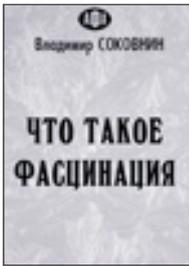
По дороге домой Арбелин прокрутил в памяти всю беседу и дойдя до позволения Гаргалина экспериментально свести город с ума, вдруг осознал со всей отчётливостью, что Гаргалин, сам того не понимая, подсказал ему способ привлечь внимание к фасцинетике. Да, да, именно так – свести город с ума, погрузить его в ярчайшую сумасшедшую массовую фасцинацию. И тем самым привлечь внимание общества. Нужно устроить массовый шок. Весёлый шок. Фасцинирующий шок.

Он остановился от охватившего волнения.

Так, приняв решение сгоряча, Гаргалин дал Арбелину сигнал перейти Рубикон.

Арбелин сигнал услышал.

Новинки публикаций о фасциации и фасциологии (за 2009-2013 гг.)

Издана в серии «Библиотека фасциолога» и размещена в эл. библиотеке <http://www.koob.ru/sokovnin/> книга: В. Соковнин. **ЧТО ТАКОЕ ФАСЦИАЦИЯ.** - Ек-г. Изд-во авторской академии фасциологии. 2009

Опубликован интересный научный труд (диссертация) Milagros Torrado Cespon (Universidade de-Sантьяго-д-Компостела) «**Fasciology in the Society and Literature of the British Isles**» – о фации с глаза в мировой культуре: http://dspace.usc.es/bitstream/10347/3637/1/9788498877984_content.pdf

Издана в серии «Библиотека фасциолога» и размещена в эл. библиотеке <http://www.koob.ru/sokovnin/> книга: В. Соковнин. **ФАСЦИОЛОГ. Штрихи к профессии III тысячелетия.** - Ек-г. Изд-во авторской академии фасциологии. 2009

Опубликована интересная статья участницы фасциологического общества, доцента ЧГПУ (г. Челябинск):

Е. В. Омельченко. **Фасциативные средства в сократическом диалоге.** / Вестник Челябинского госуниверситета. 2012. № 13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. С 80-84

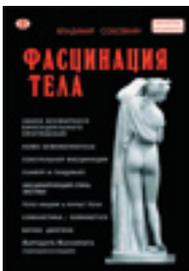

Издан в серии «Библиотека фасциолога» и размещен в эл. библиотеке <http://www.koob.ru/sokovnin/> сборник: **ФАСЦИАЦИЯ. КОММУНИКАЦИЯ. ОБЩЕНИЕ.**

В сборнике статьи: Ю. Кнорозова, Ю. Шрейдера, Ю. Войскунского, М. Арбатова, В. Соковнина

Опубликована интересная статья участницы фасциологического общества, доцента ЧГПУ (г. Челябинск):

Е. В. Омельченко. **Фасциативная стратегия в автобиографическом дискурсе Н. П. Бехтеревой в цикле передач «Магия мозга»** / Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 237-242.

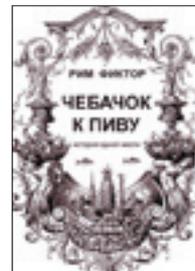
Издана в серии «Библиотека фасциолога» и размещена в эл. библиотеке <http://www.koob.ru/sokovnin/> книга: В. Соковнин. **ФАСЦИАЦИЯ ТЕЛА.**

Опубликована интересная статья участницы фасциологического общества, доцента ЧГПУ (г. Челябинск):

Е. В. Омельченко. **Фасциативная составляющая в непрямо́й коммуникации.** / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1. С. 136-139

Издан в «Библиотеке фасциолога» и размещен в эл. библиотеке <http://www.koob.ru/sokovnin/> сборник статей В. Соковнина **ОБЩЕНИЕ ИНТЕРДИКТИВНОЕ И ФАСЦИОГЕННОЕ**

Издан и размещен в эл. библиотеке <http://www.koob.ru/sokovnin/> роман:

Рим Фиктор. **ЧЕБАЧОК К ПИВУ. История одной мести.** 2013. - первое в мире художественное произведение о чудодейственном и одурманивающем влиянии на поведение людей массовой фации.

Готовы к изданию в 2014 году

В. Соковнин. **ВИНДИКТОЛОГИЯ VINDICTOLOGY.** Наука о мщении.

В. Соковнин. **ЧЕЛОВЕК ЧРЕЗМЕРНЫЙ / HOMO LUXURIOSUS**

Е. Омельченко. **ФАСЦИАТИВНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА**

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу: В.Соковнин. Фасцинология. Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации человека и животных. - Екатеринбург. Изд-во Уральского гос. университета. 2005

Говорить и писать об этой книге непросто.

Во-первых, всякое по-настоящему новое непривычно, ломает стереотипы, а потому воспринимается с осторожностью и некоторыми опасливыми ожиданиями.

Во-вторых, сама идея и проблематика, представленная в книге, просится под известную формулу, что если бы этой книги не было, то ее следовало бы выдумать (и написать!)

Потому что стремление к любому синтезу имманентно человеческому чувству и разуму. А во время господства частичностей, фрагментов, «клипового мышления», раскола сознания не только массового, но и научно-теоретического любой предложенный синтез – желателен, востребован и отвечает глубинным экзистенциальным потребностям живущего сегодня человека. В этом контексте книга В. Соковнина действительно заполняет немалые смысловые пустоты в современном общественном сознании. И пафос автора «заложить основы новой науки – фасцинологии» – оправдан и заслуживает если не одобрения, то, по крайней мере, внимательного и непредвзятого прочтения рецензируемой книги.

Импонирует и широкий читательский адрес книги, предлагаемой философам, психологам, этологам, политологам, этнологам, педагогам, искусствоведам. Я от себя бы добавил – и управленцам (руководителям) всех уровней. Ибо, на мой взгляд, без четких фасцинативных способностей и программ (понятых в широком контексте социальной коммуникации) не могут быть успешно решены и кардинальные управленческие проблемы современного общества (а может быть – и человечества в целом).

И все десять глав книги свидетельствуют о чрезвычайной актуальности (исследовательской и практической) изучаемого феномена, а также о том, что многие аспекты его, отмеченные в литературе и представленные автором, почему-то незаслуженно игнорировались и продолжают недооцениваться. Все поведенческие науки, возникшие во второй половине XX

- начале XXI века неизбежно содержат в себе фасцинативный компонент. И несомненная заслуга В. Соковнина состоит в том, что он увидел и представил в едином тексте насущную необходимость целостного видения человеческого поведения через призмму фасцинологии.

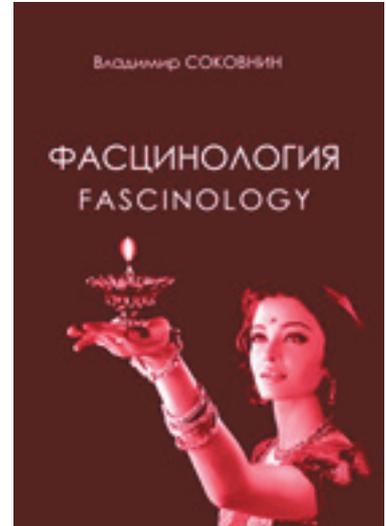
И в этом смысле читатель оказывается в положении знаменитого господина Журдена, вдруг открывшего, что он говорит прозой. Именно такое открытие ожидает читателя, когда он погружается в язык фасцинологии. Массовидность и повседневность фасцинативных феноменов, их социально-практическая значимость не отменяют того факта, что для углубленного изучения человеческой сущности и поведения необходимо изучить еще один язык, язык фасцинологии.

А перспективы этой науки мне видятся значительно шире, чем они представлены в главе X. Они связаны не только с теми аспектами, которые отметил автор, но и с кардинальным пересмотром человеческой сущности и многих теорий и концептов, претендующих на раскрытие ее. Без методологического и эвристического потенциала фасцинологии картина не может быть полной. А потому творческий пересмотр теорий человеческого поведения в контексте фасцинологии неизбежен.

Ушаков Б.Г.

профессор кафедры управления персоналом Северо-Западной академии Государственной службы (г. Санкт-Петербург)

05.01.08

**АВТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ФАСЦИНОЛОГИИ ПРЕДЛАГАЕТ
АКАДЕМИЯМ, УНИВЕРСИТЕТАМ, ИНСТИТУТАМ****Инновационный проект «ОБЩЕВУЗОВСКАЯ КАФЕДРА ФАСЦИНОЛОГИИ»****Уважаемый господин ректор!**

Предлагая проект создания в университете межфакультетской (общеуниверситетской) кафедры фасцинологии, я опираюсь на следующие соображения.

Нет в настоящее время необходимости убеждать кого-либо в пользе для всех профессий знания об информации и информационных технологиях. Это знание присутствует везде, а в системе высшего образования представлено академиями, институтами, центрами, факультетами и кафедрами информатики, информации, информатологии и т.д. Фасцинация (сигналы и нейропсихологические процессы чарующего, доминантного и устрашающего воздействия на психику и поведение) – родная сестра информации, возникшая в ходе эволюции вместе с ней и идущая с ней в содружестве, рука об руку на протяжении всей истории жизни на планете. Нет и не может быть продуктивной коммуникации во всех живых системах, включая человека и общество, без и вне фасцинации, причем успех почти любого коммуникационного акта, как считают такие ученые, как Ю. Кнорозов, Ю. Лотман, Ю. Шрейдер, определяется прежде всего фасцинацией. Но знание об этом еще мало кому известно и наука о фасцинации делает только первые шаги.

Тем не менее в свою коммуникативную деятельность, в процесс общения любой специалист в сфере публичных профессий (политик, педагог, психолог, менеджер, специалист PR и рекламы, организатор массовых коммуникаций, шоу-менеджер, пропагандист в любой сфере, журналист, актер, и др.) всегда привлекает фасцинативные средства и приемы для оптимального воздействия на людей. Это происходило и происходит стихийно, в меру накопления профессионального опыта и коммуникативной интуиции, у одних весьма продуктивно, у других не очень. Дети любят учителей, владеющих фасцинацией: умеющих зажечь, увлечь, развеселить, то есть создающих нескудную педагогику. С выявлением фасцинации как особого феномена человеческого бытия и общения, с созданием фасцинологии, появилась возможность добавить к интуиции достоверное знание о глубинных механизмах фасцинативных процессов в природе и обществе, знание, которое переводит наитие на уровень точных, увлекательных, профессионально полезных и нужных каждому специалисту-гуманитарию технологий и техник.

Поскольку проблемы применения фасцинации в профессиональном труде являются общими для всех гуманитарно-коммуникативных профессий, сам собой напрашивается вывод о том, что настала пора создания в университетах межфакультетских (общеуниверситетских) кафедр фасцинологии, как полвека назад происходило с созданием кафедр и факультетов информации. Фасцинация уже просится на уровень университетского и академического знания. Это произойдет неизбежно, как произошло с информацией, вопрос только во времени и энтузиазме руководителей университетов и академий. Какой-то университет станет новатором-застрельщиком преподавания новой науки, без которой высокого профессионализма во многих профессиях достигнуть трудно или почти невозможно.

Мой опыт проведения спецкурсов, практических семинаров и мастер-классов с политиками, менеджерами, PR-специалистами, педагогами (учителями школ и преподавателями вузов) показал, что интерес к фасцинирующим технологиям и техникам очень высок. Возможно, одним из индикаторов интереса к новому знанию является и нарастающее внимание к моим сайтам о фасцинологии в Интернете (fascinology.ru; fascinolog.narod.ru), увеличивающийся поток писем по электронной почте и обращений ко мне диссертантов за консультациями по тем или иным интересующим их аспектам фасцинологии, приобретением моих книг о фасцинологии.

Проблематику следует расширить, включая в нее этолого-биологические, социальные, психологические и социально-психологические, системно-управленческие, сексуально-эротические, культурологические и др. аспекты индивидуальной, межиндивидуальной и массовой фасцинации. В перспективе межфакультетская кафедра фасцинологии может перерасти в создание факультета фасцинологии (так было в свое время с кафедрами информатики) для подготовки специалистов-фасцинологов широкого профиля с университетским дипломом.

Поскольку в России и СНГ (и в мире!) нет еще ни одной кафедры фасцинологии, ее создание, безусловно, должно и будет рассматриваться как социально-пионерский акт, как инновация в современном высшем образовании.

Предлагая проект создания такой кафедры, я, со своей стороны, был бы не только признателен Вам за интерес к фасцинологии и проекту, но и предложил бы свое посильное участие в его реализации.

С глубоким уважением, президент академии Владимир Соковнин

контакт: vmmss@mail.ru

Уважаемые авторы и читатели!

Представляем Вашему вниманию нашего партнера

Издательство МЕТЕОР-СИТИ (meteor-city.com)

Миссия Издательства – создание условий для развития и продвижения передовой социально-гуманитарной научной мысли как для специалистов, так и для широкого круга общественности.

Деятельность Метеор-Сити:

- ▶▶ Организация обмена опытом по актуальным для современной социально-гуманитарной науки вопросам, в том числе в форме конференций.
- ▶▶ Издание и продвижение научной, образовательной и художественной литературы: учебных пособий, сборников, журнала, монографий и книг, переводной литературы.
- ▶▶ Помощь авторам в издании научной и образовательной литературы, в том числе электронных книг, учебников и учебных пособий, в размещении материалов на сайте eLIBRARY.ru (РИНЦ).
- ▶▶ Создание авторских и тематических сайтов, подготовка контента, копирайтинг.

Издательство сотрудничает с ведущими типографиями г. Челябинска, что обеспечивает высокое качество и скорость издательских услуг.

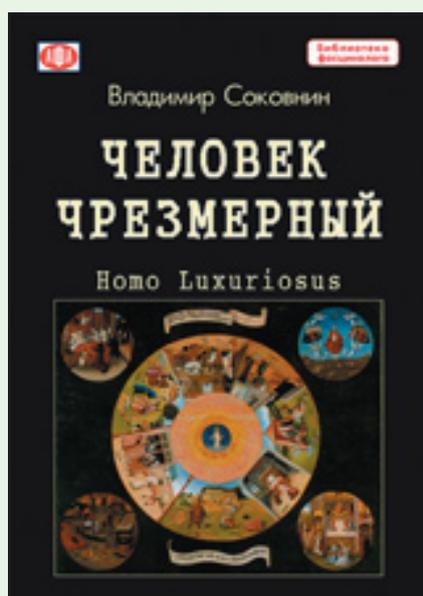
Обращаем Ваше внимание – на нашем сайте собраны уникальные материалы: пошаговый алгоритм работы над научным или художественным произведением, секреты успеха великих людей, новейшие материалы ведущих научных журналов мира (переводные версии).

С уважением,

Алексей Михайлович Обжорин
кандидат филологических наук,
директор издательства Метеор-Сити

Контакты: meteor-city.com, info@meteor-city.com

ПЛАН ИЗДАНИЙ НА 2014-15 гг АВТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ФАСЦИНОЛОГИИ ВЛАДИМИРА СОКОВНИНА

Возможно и желательно сотрудничество по изданию этих книг.
Контакт: vmss@mail.ru

